93 2/74

2733

932/74

КАКОЙ ИСХОДЪ ДЛЯ РОССІИ

ИЗЪ

НЫНѢШНЯГО ЕЯ ПОЛОЖЕНІЯ?

А. КОШЕЛЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ, ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ. | LEIPZIG, FRANZ WAGNER.

1862.

Traduction du titre au revers.

ã.

КАКОЙ ИСХОДЪ ДЛЯ РОССІИ

ИЗЪ

НЫНѢШНЯГО ЕЯ ПОЛОЖЕНІЯ?

А. КОШЕЛЕВА.

ЛЕЙПЦИГЪ,
ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG,
FRANZ WAGNER.

1862.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 299844
193 г.

Мы представили въ цензуру нашу статью: *Что̀ такое Русское дворянство и чѣмъ оно быть должно?* и не получили разрѣшенія на ея напечатаніе, подъ предлогомъ, что статья можетъ раздражить дворянство. Дворянинъ пишетъ о дворянствѣ и обращается къ своимъ собратьямъ — дворянамъ; пишетъ онъ не воззваніе, а разсужденіе умѣренное, и притомъ съ соблюденіемъ всякихъ цензурныхъ приличій (такъ по крайней мѣрѣ казалось); и такую статью цензура не пропускаетъ! Мы пошли дальше; но и тамъ — отказъ. Послѣ этаго нельзя было и думать о напечатаніи въ Россіи записки: *Какой исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія?* Чтожъ — молчать или печатать за границею?

При нынѣшнемъ положеніи Россіи, таить слово утѣшенія, ободрѣнія или совѣта — грѣшно. Мы можемъ ошибаться, увлекаться, на счетъ достоинства нашихъ мыслей заблуждаться; на то міръ чтобы дѣло обсудить. Но молчать — мы не вправѣ.

Когда, въ древнія времена, не позволяли христіянамъ молиться Богу по ихъ вѣрѣ, и они отправляли свои службы ночью и въ подземеліяхъ; хорошо ли поступалъ тотъ, именующій себя христіяниномъ, который удалялся отъ такихъ собраній?

Солнце свободы встало для Россіи, не вслѣдствіе, слава Богу, кровавой борьбы, а по мудрому, благовременному, свыше внушенному Царскому слову: а бюрократія между тѣмъ не перестаетъ хлопотать о томъ, какъ бы заградить потоки свѣта на нашу страну; не обязанность ли каждаго Русскаго доказать, что онъ достоинъ смотрѣть на свѣтъ Божій, и что для него свобода слова необходима, какъ хлѣбъ насущный?

Мы печатаемъ наши мнѣнія гдѣ можемъ — за границею; не скрываемъ имени и неуклоняемся отъ отвѣтственности за высказанное. Знаемъ что всполошится бюрократія, что иные поспѣшатъ съ доносами, многіе съ изъявленіями негодованія, и нѣкоторые даже съ предложеніемъ мѣръ строгихъ; но мы покойны и останемся таковыми, ибо исполнили долгъ совѣсти, что̀ конечно не можетъ быть сочтено за преступленіе въ царствованіе Александра II.

2 Января 1862
Дрезденъ.

Какой исходъ для Россіи

изъ

нынѣшняго ея положенія?

Вездѣ: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, во внутренности Россіи — на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ — всѣ недовольны, всѣ чувствуютъ себя стѣсненными, оскорбленными, бѣдствующими — всѣ убѣждены что Россіи, въ такомъ положеніи, долго оставаться нѣтъ возможности. Дворянство, лишенное перваго, самаго значительнаго своего права — права владѣть людьми и населенными имѣніями, которое доставляло ему привилегированное значеніе въ государствѣ, и утратившее это преимущество, не по собственному изволенію, не послѣ борьбы съ властью, а такъ, почти нежданно-негаданно, и притомъ въ видѣ, всего менѣе соотвѣтственномъ его желаніямъ, — крайне ропщетъ, жалуется, тревожится, и чего-то домогается. Крестьяне услышали давно желанное слово: свобода; но она явилась къ нимъ безъ прекращенія барщины и помѣщичьяго оброка, безъ окончательной развяз-

ки съ прежними ихъ владѣльцами, въ сопровожденіи новыхъ чиновниковъ изъ дворянъ и почти по избранію сихъ послѣднихъ, при розгахъ, хотя и съ ариѳметическими ограниченіями, и при прогулкахъ солдатъ, для крестьянъ всегда крайне обременительныхъ, а иногда и весьма бѣдственныхъ. А потому крестьяне говорятъ: Царь хотѣлъ намъ дать волю, да бары его обманули и насъ себѣ вновь закабалили. Многіе изъ крестьянъ ожидаютъ настоящей воли черезъ два года; а нѣкоторые дерзко говорятъ: пока будутъ бары, не бывать у насъ воли. Дворовые, ожидавшіе или поземельнаго надѣла или инаго какого-то болѣе обезпеченнаго положенія, не принимаютъ предлагаемыхъ имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ, ждутъ чего-то и не вѣрятъ чтобы Царь оставилъ ихъ безпріютными сиротами. Купечество, крайне стѣсненное безденежіемъ въ торговлѣ, общимъ недовѣріемъ другъ къ другу и къ правительству, и невѣденіемъ того, что будетъ завтра, — сокращаетъ свои кредиты, прячетъ капиталы и не знаетъ чтò дѣлать, а между тѣмъ жалуется и чего-то ищетъ. Мѣщанство, бѣдное мѣщанство страдаетъ, съ горя пьянствуетъ, обманываетъ кого можетъ и призываетъ всякую перемѣну, будучи убѣждено что какая бы ни была, она можетъ улучшить, но не ухудшить его положенія. Даже духовенство пріобщается къ общему неудовольствію, ибо правленіе чернаго клобука было для него сносно, пока крѣпостное со-

стояніе было нормою общественной жизни; но при изъятіи, покрайней мѣрѣ обѣщанномъ, крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ, и при стремленіи всѣхъ гражданъ къ обезпеченію себя отъ произвола чиновниковъ, и духовные желаютъ улучшенія своего быта, желаютъ чтобъ ими управляли люди, знающіе ихъ нужды и потребности, а не отшельники отъ міра сего, враждебно и презрительно смотрящіе и на семейство и на всѣ обязанности съ нимъ сопряженныя. — Странно: даже бюрократія, могущественная бюрократія, людъ чиновный съ мала до велика, всѣ недовольны. Послушайте становаго, исправника, судью, губернатора, министра, — всѣ говорятъ: нѣтъ! такъ дѣла идти не могутъ; мы изнемогаемъ подъ бременемъ нескончаемыхъ бумагъ, и общая путаница только растетъ и усиливается. А литераторы, ученые, профессоры, студенты — объ нихъ и говорить нечего — ихъ жалобамъ на цензуру, становящуюся опять день отъ дня все нелѣпѣе и нелѣпѣе, и на разныя другія стѣсненія, полагаемыя просвѣщенію — такимъ жалобамъ нѣтъ ни числа, ни конца.

Однимъ словомъ: ропотъ, неудовольствія, сѣтованія, домогательства — вездѣ. Но, не ужель намъ теперь стало хуже, чѣмъ было прежде? Нѣтъ! Боже сохрани отъ подобной мысли. Намъ теперь лучше, гораздо лучше чѣмъ было прежде. Но прежде все было на своемъ мѣстѣ: уложено, заколочено, закупорено; движеніе, если и было кой какое, таи-

лось и относилось только къ внутренному быту; но за это спокойствіе, за это безмятежіе, за это безучастіе въ дѣлѣ общемъ, и поплатились мы дорого. Теперь, по милости Божіей, обхватило насъ свѣжимъ воздухомъ, все ожило, все возвращается къ человѣческой дѣятельности; какъ же намъ не чувствовать себя стѣсненными, крайне стѣсненными въ томъ ограниченномъ, скупо намъ отмѣренномъ пространствѣ, гдѣ мы могли только спать и то не слишкомъ распрямляя свои члены? Теперь великая, коренная, самая существенная реформа, если еще не совершена, то покрайней мѣрѣ такъ выдвинута, что преобразованіе всего нашего быта сдѣлалось не pium desiderium, а ничѣмъ неотразимою необходимостью. Все у насъ зашевелилось, все двигается, всякій ищетъ себѣ простора, желаетъ узнать свои права и получить въ нихъ удостовѣреніе и обезпеченіе. А между тѣмъ бюрократія думаетъ, что и съ живыми людьми можно управляться также, какъ съ мертвецами; она предписываетъ, подтверждаетъ, запрещаетъ, разрѣшаетъ, отмѣриваетъ, отсчитываетъ и пр.; а жизнь захватываетъ себѣ все болѣе и болѣе мѣста, издѣваясь надъ регламентаціями, оставляя въ сторонѣ покойниковъ, предъявляя новыя требованія и выдвигая новые вопросы. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, неизбѣжны путаница и неурядица; онѣ даже необходимы, въ нихъ кроется, посредствомъ ихъ развивается семя будущаго устройства, семя не заим-

ствованное, не силою внесенное, а свое, родное, туземное.

Многіе теперь просто на просто въ отчаяніи, полагая, что Россія находится въ безвыходномъ положеніи. Откуда, чѣмъ и когда помѣщики получатъ вознагражденіе за отчужденныя отъ нихъ земли? Чѣмъ будетъ дворянство? Какъ придетъ къ крестьянамъ та воля, которая одна можетъ ихъ успокоить и удовлетворить? А суды, полиціи, управленіе — будутъ ли у насъ когда либо правильно устроены? Прекратятся ли взятки? Доживемъ ли до того блаженнаго дня, когда бюрократія перестанетъ быть нашею владычицею и распорядительницею, и займетъ подобающее ей мѣсто слуги Царя и народа? Увидимъ ли мы, будемъ ли когда либо имѣть въ рукахъ своихъ деньги настоящія, полноцѣнныя, и избѣгнемъ ли мы банкрутства, той страшной тучи, которая все болѣе и болѣе на насъ надвигается, и которая угрожаетъ разразиться надъ нами завтра, послѣзавтра? Такіе и другіе тому подобные страхи и сомнѣнія отнимаютъ у многихъ всякую охоту къ труду и погружаютъ ихъ въ отчаяніе. Они ожидаютъ революціи, указываютъ на возвѣщающіе ее симптомы, и предвидятъ съ ужасомъ потоки крови, которою должна обогриться земля русская; имъ кажется что тутъ близка новая Пугачевщина, а тамъ чуть чуть уже не воздвигаются барикады, эшафоты и пр.

Къ счастью, не всѣ въ такомъ безотрадномъ

расположеніи духа. Есть люди, надѣющіеся на мирный исходъ для Россіи изъ нынѣшняго кризиса. Убѣжденные въ жизненности и крѣпости ея силъ, предчувствуя ея великое, благое назначеніе въ мировомъ ходѣ человѣчества, они смотрятъ на нынѣшнія бѣдствія, какъ на болѣзнь къ росту, и стараются указать путь къ разрѣшенію предлежащей намъ задачи. Россія находится конечно въ крайне тяжкомъ, но вовсе не въ безъисходномъ положеніи; средства ея еще подавлены, не развиты, но они огромны, существенны и, что всего важнѣе, они не искуственно созданы, а самородны, и жизнь въ нихъ бьетъ ключемъ; препятствія же и трудности, намъ предстоящія, хотя и многочисленны и велики, однако они не непреодолимы. Особенно ободрительною мыслью должно быть для насъ то, что во всѣ критическіе моменты нашей исторіи, Провидѣніе посылало намъ Царей, не самонадѣянныхъ, не самоуправныхъ, которые съ помощью Божьею и добрыхъ людей, совершали благія преобразованія, удовлетворяя народнымъ потребностямъ, какъ скоро онѣ созрѣвали и положительно проявлялись. Мы, менѣе чѣмъ кто либо, можемъ упадать духомъ, ибо живемъ въ царствованіе Александра II, который такъ во время и такъ премудро созналъ настоятельность освобожденія крѣпостныхъ людей и главныя условія, при которыхъ оно должно было совершиться. Предпринявши великое дѣло, положивши ему въ основу начала настоящія, истинно рус-

скія, Онъ не можетъ покинуть своего, такъ благовременно и славно начатаго подвига. Конечно опасно и весьма опасно, чтобы бюрократія, съумѣвшая исказить при исполненіи его благіе помыслы по крестьянскому дѣлу, не явилась во всеоружіи для защиты своихъ послѣднихъ засадовъ; а потому всякій Русскій, имѣющій, въ настоящую минуту, счастіе не быть застигнутымъ въ сферѣ бюрократизма, обязанъ не таить своего таланта, какъ бы впрочемъ онъ малъ ни былъ, но откровенно и безбоязненно высказывать свои убѣжденія и указывать, по лучшему своему разумѣнію, изходъ изъ нынѣшняго бѣдственнаго положенія. Въ исполненіе сего долга и сія малая толика кладется въ общую русскую сокровищницу.

Въ эпохи переходныя, преобразовательныя, всякій предметъ является въ видѣ дѣла, вопроса. Затронуто, измѣнено одно, той же участи должно быть подвергнуто и другое, и третье, и все остальное. Теперь у насъ ничто изъ существующаго не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ; все должно преобразиться, и потому возбужденнымъ вопросамъ нѣтъ конца, а сколько вопросовъ должно еще возникнуть! Нѣкоторые винятъ правительство и литературу въ томъ, что они не соблюдаютъ постепенности и разомъ все почали, все подвергаютъ пересмотру и по всему представляютъ проэкты; но

иначе и быть не можетъ. Въ человѣческомъ обществѣ все связано, все въ зависимости одно отъ другаго; у насъ предпринято не маловажное какое либо преобразованіе, а освобожденіе крѣпостныхъ людей, т. е. возвращеніе человѣческихъ правъ цѣлой трети всего народонаселенія; чрезъ это сдвинуты съ своего мѣста не одни крестьяне, но и дворяне, ими владѣвшіе При такомъ существенномъ переустройствѣ двухъ состояній, не могутъ не быть задѣты и прочія сословія. Къ тому же, прекращеніе рабства есть въ обществѣ такое событіе, которое должно имѣть самое сильное и глубокое дѣйствіе на все устройство частное, общественное и правительственное въ государствѣ. Образуется иная атмосфера; понятія, отношенія людей измѣняются, и всѣ законы, должны быть согласованы съ обновленнымъ положеніемъ страны. Конечно покойно открывать ящики одинъ послѣ другаго и приводить ихъ постепенно въ порядокъ; но въ области жизни перестройки совершаются иначе. Тутъ нельзя окончательно отдѣлать одну часть и потомъ приняться за другую; для того чтобъ совершить съ смысломъ и успѣхомъ что либо, необходимо дойти до началъ, изъ которыхъ все должно истекать, и въ которыхъ должны заключаться основаніе, ключь, указка ко всему остальному. Къ тому же тутъ дѣла выдвигаются не одиночно, а по большей части въ совокупности, не по порядку алфавитному или иному какому либо искуственному, а

по многообразнымъ востребованіямъ самой жизни: гдѣ больше страданій, гдѣ корень другихъ преобразованій, тѣ вопросы становятся впередъ, являются въ видѣ дѣлъ начальныхъ, руководящихъ, такъ сказать направительныхъ. Такихъ главнѣйшихъ дѣлъ, въ настоящее время, у насъ четыре, и ихъ то мы предполагаемъ здѣсь разсмотрѣть.

I.

Крестьянское дѣло.

Должно сознаться что время для рѣшенія этого дѣла выбрано было какъ нельзя лучше. Крестьяне еще не требовали уничтоженія крѣпостной зависимости, но начинали сильно желать свободы. Въ дворянствѣ, большинство было еще за сохраненіе права владѣнія людьми, но просвѣщенные помѣщики вызывали правительство на прекращеніе этаго противоестественнаго положенія. Къ тому же мнѣнія объ освобожденіи крестьянъ съ землею, о превосходствѣ нашего мірскаго устройства, о выгодахъ общиннаго владѣнія при поземельномъ надѣленіи крестьянъ и проч. созрѣвали и вытѣсняли разныя, съ запада внесенныя теоріи о распредѣленіи собственности. Въ это именно время, по внушенію свыше, Государь, къ великому удивленію всѣхъ и каждаго, и къ полному изум-

ленію бюрократіи, рѣшился впервые высказать предводителямъ дворянства въ Москвѣ, мысль о необходимости освобожденія крѣпостныхъ людей. Затѣмъ учрежденъ былъ въ Петербургѣ, сперва негласно, комитетъ по крестьянскому дѣлу подъ личнымъ предсѣдательствомъ Императора. Наконецъ явился знаменитый рескриптъ къ Виленскому генералъ-губернатору. Мы помнимъ какую тревогу, какія страхи и радости произвели эти постепенныя, послѣдовательныя мѣры по великому задуманному дѣлу. Всѣмъ извѣстно, какъ дворянство приступило къ подписанію адрессовъ, какъ составлены были губернскіе комитеты и какіе вышли изъ нихъ проэкты. Въ оправданіе дворянства должно сказать одно, что какъ только бюрократія вмѣшалась въ исполненіе великой царской мысли, то она исказила ее, дала ей двусмысленное направленіе, пошли объясненія, дополненія, разрѣшенія, запрещенія, которыя равно сбивали съ толка людей расположенныхъ и враждебныхъ къ дѣлу. Несчастныя слова: *улучшеніе быта, усадебная осѣдлость, постоянное пользованіе* и притомъ *право перехода цѣлыми обществами*—всѣ эти и многія другія сбивчивыя выраженія произвели полное смѣшеніе въ понятіяхъ дворянства. Трудно было требовать чтобы, при такомъ положеніи дѣлъ, цѣлое сословіе добровольно наложило на себя руки; а потому и не удивительно, что большинство дворянъ воспользовалось двусмысленностями бюрократіи и пред-

ставило проэкты, которые содержали въ себѣ не освобожденіе крестьянъ, а закабаленіе ихъ въ иномъ видѣ. Были проэкты, написанные и въ умѣренномъ духѣ, но и они не были чужды той нерѣшительности и неопредѣленности, которыя проявлены были и въ рескриптахъ и еще болѣе въ послѣдовавшихъ разъясненіяхъ, министерскихъ отношеніяхъ и пуще всего — въ злосчастной программѣ. Государь, во время своего путешествія по Россіи, объявилъ что призваны будутъ депутаты отъ каждой губерніи „для присутствія и общаго обсужденія при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ." И эти благія, мудрыя слова были переиначены, перетолкованы бюрократіею. До пріѣзда депутатовъ въ Петербургъ, представленъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю докладъ, въ которомъ губернскіе комитеты были представлены враждебно расположенными къ предпринятой правительствомъ реформѣ, и въ которомъ, хотя и были сдѣланы изключенія въ пользу нѣкоторыхъ членовъ меньшинства въ комитетахъ, однако въ заключеніи было сказано, что необходимо членовъ отъ комитетовъ „не допускать до совокупныхъ оффиціальныхъ совѣщаній." Всѣмъ извѣстно какую инструкцію, Высочайше утвержденную, дали депутатамъ, какъ въ отношеніи къ нимъ дѣйствовали, какъ съ ихъ работами поступили Редакціонныя коммиссіи, и какой окончательный результатъ былъ трудовъ сихъ послѣднихъ. Обнародованныя

положенія не удовлетворили ни кого, ни въ началѣ, ни въ послѣдствіи, ни даже до дня сего. Они не разрѣшили крестьянскаго вопроса. Помѣщики, по закону, имѣютъ право на барщину, на оброки, на какую-то вотчинную полицію; а на дѣлѣ, барщина или вовсе не исполняется или отправляется какъ можно хуже; оброки поступаютъ лучше, но съ большими хлопотами и понужденіями; а на счетъ вотчинной полиціи, то помѣщики слишкомъ разумны, чтобы по сему что либо требовать или во что бы то ни было вмѣшиваться. Крестьяне, освобожденные крестьяне и не понимаютъ какъ они могутъ еще быть обязанными справлять барщину или платить помѣщикамъ оброки, послѣ того какъ Царь далъ имъ волю. Они не бунтуютъ явно, но, съ удивительнымъ единодушіемъ, относятся отрицательно ко всѣмъ требованіямъ и уступаютъ только силѣ. Помѣщики не могутъ расчитывать на барщину, но и не въ состояніи заводить вольнонаемныя хозяйства, ибо запасныхъ капиталовъ у нихъ никогда не было, а новыхъ не получаютъ. Крестьяне на выкупъ неохотно идутъ, ибо убѣждены что и безъ того земля будетъ ихъ собственностью; къ тому же 49-ти лѣтній срокъ выкупныхъ платежей возбуждаетъ ихъ смѣхъ и негодованіе. Даже на оброкъ крестьяне не выходятъ, боясь, въ какомъ бы ни было отношеніи, своимъ согласіемъ скрѣпить то положеніе, которое они считаютъ не настоящимъ. Изъ всего

этаго выходитъ такая путаница, такая неурядица въ дѣлахъ и понятіяхъ сельскаго быта, что рѣшительно нѣтъ возможности жить въ деревнѣ, что̀ либо предпринять, и какъ либо устроиться. Конечно дружелюбія мало было и прежде между помѣщиками и крестьянами, но прежде, при полноправіи первыхъ и безправіи послѣднихъ, была по крайней мѣрѣ тишина и безмятежіе; нынѣ крестьяне желаютъ узнать свои права, извѣдать границы своей свободы, и потому безпрестанно дозволяютъ себѣ разныя уклоненія, выходки, притязанія, то въ ту, то въ другую сторону; а потому и не удивительно что столкновенія, неудовольствія, споры и суды между помѣщиками и крестьянами ежедневны, почти ежечасны. Отсюда возникаетъ между ними враждебность, которая съ каждымъ днемъ ростетъ и усиливается. Помѣщики, окруженные неблагорасположенными къ нимъ крестьянами, и имѣющіе для своей защиты только одного посредника во всемъ участкѣ, находятся теперь въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Они бы рады были представить свои имѣнія на выкупъ, готовы пожертвовать даже 20-тью процентами, лишь бы получить деньги; но крестьяне не переходятъ на оброкъ, и притомъ цѣнность свидѣтельствъ, обѣщанныхъ вмѣсто денегъ за землю, такъ загадочна, что нѣтъ средствъ рѣшиться на получку такихъ бумагъ.

Изъ губернскихъ присутствій поступаютъ представленія въ пользу обязательнаго перевода кресть-

янъ съ барщины на оброкъ, о необходимости обязательнаго выкупа и пр.; но Петербургъ молчитъ и только обѣщаетъ какія-то мѣры; а эти мѣры, если вѣрить довольно положительнымъ слухамъ, до того мелки и скупы, что онѣ не могутъ доставить помѣщикамъ никакого облегченія. Посредники, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, сочли необходимымъ собираться отъ времени до времени, въ губернскомъ городѣ, для совѣщанія на счетъ единообразнаго исполненія Положенія; но и эти собранія возбудили опасенія бюрократіи, и они воспрещены новымъ министерскимъ предписаніемъ, которое даже распространило эту интердикцію и на могущіе быть съѣзды предводителей по крестьянскому дѣлу. Однимъ словомъ, бюрократія все болѣе и болѣе запутываетъ дѣло, которое могло удовлетворительно разрѣшиться только при единодушіи и добромъ расположеніи всѣхъ заинтересованныхъ лицъ; она все болѣе и болѣе раздражаетъ и помѣщиковъ и крестьянъ, тогда какъ слѣдовало бы всячески ихъ умиротворять, вызывать и утверждать довѣріе помѣщиковъ и крестьянъ другъ къ другу и къ правительству. Необходимо было бы теперь дать въ литературѣ бо̀льшую по возможности свободу толкамъ по крестьянскому дѣлу, а между тѣмъ теперь почти ни одна статья по крестьянскому дѣлу не разрѣшается къ напечатанію цензурою, всѣ отправляются въ Петербургъ и тамъ гибнутъ въ канцеляріи государственнаго секретаря.

Для окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла есть только одинъ способъ — выкупъ — но выкупъ не мнимый, а дѣйствительный, достойный того великаго дѣла, которому онъ долженъ служить заключеніемъ. Къ такой мѣрѣ бюрократія не рѣшается приступить; и въ этомъ она вполнѣ права. При ея недовѣріи къ Россіи, при недовѣріи Россіи къ ней, при растройствѣ финансовъ, при упадкѣ цѣнности нашего рубля и при постоянныхъ дефицитахъ государственнаго бюджета, какъ предпринять мѣру громадную, доходящую почти до тысячи милліоновъ рублей серебромъ!

Выкупъ можетъ быть дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ такъ устроенъ, чтобы крестьяне сочли его не только возможнымъ, но и легкимъ, и чтобы помѣщики, получая деньги, знали что̀ они получаютъ и могли бы ихъ сей часъ же употребить на устройство вольнонаемныхъ хозяйствъ, на обработку оставшихся въ ихъ владѣніи земель и на усиленіе ихъ цѣнности. Нельзя разумно требовать чтобы правительство удовлетворило помѣщиковъ и подарило землю крестьянамъ, ибо всякій знаетъ что оно не имѣетъ къ тому средствъ; но правительство должно явиться въ этомъ дѣлѣ добросовѣстнымъ, пользующимся общимъ довѣріемъ, посредникомъ. Конечно такую задачу не можетъ исполнить бюрократія; такое великое дѣло можетъ быть совершено только государствомъ, т. е. Царемъ обще съ народомъ.

II.

Дворянское дѣло.

Вопросъ: *чѣмъ же быть дворянству?* выдвинулся такъ, что онъ сталъ на первую очередь въ числѣ задачъ, подлежащихъ немедленному разрѣшенію. Не будемъ повторять сказаннаго нами въ статьѣ, помѣщаемой въ приложеніяхъ къ сей запискѣ; но какъ та статья должна была явиться передъ дворянскими выборами въ Москвѣ, и предназначалась для журнала, издаваемаго въ Россіи, т. е. подъ отеческимъ надзоромъ цензуры, то здѣсь пополнимъ и пояснимъ тамъ недосказанное.

Дворянство должно освободиться отъ всѣхъ привилегій, которыми оно доселѣ отдѣляется отъ прочихъ гражданъ. Чѣмъ оно это исполнитъ скорѣе и охотнѣе, тѣмъ ему не только болѣе чести, но и болѣе выгоды. Цѣпляться за то, чего удержать нельзя — безразсудно. Теперь благовременнымъ отрѣченіемъ отъ преимуществъ мнимыхъ, мы можемъ подняться въ глазахъ народа и пріобрѣсти права дѣйствительныя. Онъ имѣетъ въ насъ нужду; онъ еще болѣе нашего боится чиновниковъ; теперь мы можемъ сдѣлаться его руководителями. Если мы упустимъ нынѣшній, вполнѣ для насъ благопріятный случай; если народъ устроится помимо насъ; то Россія лишится вліятельнаго

образованнаго состоянія, а мы уже не обрѣтемъ никогда для себя ни мѣста, ни значенія.

Не ужели дворянство согласится оставаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи — быть чѣмъ-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть ничѣмъ? Мы — помѣщики, но, какъ таковые, въ своихъ мѣстностяхъ, не имѣемъ ни какого значенія: наше поземельное владѣніе безъ корней, мы не связаны ни между собою, ни съ окружающимъ насъ народонаселеніемъ, которое насъ не любитъ, не уважаетъ и желало бы куда бы то ни было насъ выпроводить. Мы — служилое сословіе, но чтобы дѣйствительно пріобщаться къ его преимуществамъ, мы должны отрѣкаться не только отъ своего достоинства гражданскаго, но и отъ самихъ себя; ибо лишь угодливостью и уничтоженіемъ въ себѣ всякой самостоятельности и почти совѣсти, можемъ дѣлаться пригодны мислугами бюрократіи. Мы — частные люди, до нѣкоторой степени образованные и достаточные; но къ чему намъ просвѣщеніе и богатство, когда мы не можемъ быть даже независимыми, жить спокойно и какъ хотимъ? Мы не обезпечены въ своихъ правахъ ни личныхъ ни имущественныхъ; мы подлежимъ произволу и становаго и квартальнаго и всѣхъ прочихъ, надъ ними и подлѣ нихъ постановленныхъ властей; мы не можемъ требоватъ слѣдующаго намъ по закону, ибо у насъ онъ двуличенъ, и только, на просьбы и мольбы (по большей части съ придачами), обра-

299844.

щается онъ къ намъ защитникомъ и покровителемъ. Въ чемъ же наша сила, наше значеніе и благоденствіе? И такое положеніе намъ удерживать, совершенствовать и упрочивать! Нѣтъ! мы должны съ нимъ разомъ распроститься и рѣшительно стать на почву иную, твердую и вѣрную, на которой мы можемъ быть людьми, гражданами, добросовѣстными слугами Отечества.

Съ горестью слышу, что на выборахъ дворянскихъ, происходящихъ во многихъ губерніяхъ, les meneurs стараются подкупить большинство, къ себѣ его расположить представленіемъ адресовъ и другихъ предложеній, составленныхъ въ чисто сословномъ, тѣсно дворянскомъ смыслѣ. Не хочу вѣрить такой слѣпотѣ людей, впрочемъ умныхъ и образованныхъ. Или вы еще не чувствуете всего ничтожества нашего сословія? Или бюрократія вамъ еще не довольно надоѣла? Вѣдь вы работаете въ ея пользу. Она для вашей забавы указала пять пунктовъ, объ которыхъ вы можете разсуждать, и вы поддались ея кознямъ. Предложенные ею пункты *) касаются болѣе крестьянъ и

---

*) Вотъ эти пять пунктовъ: 1) Соображенія дворянства и его предположенія по пересмотру дѣйствующаго нынѣ Устава о службѣ по выборамъ. — 2) О губернскихъ земскихъ повинностяхъ, объ устройствѣ управленія ими, и о подлежащихъ къ производству изъ сего источника расходахъ. — 3) Объ устройствѣ поземельнаго кредита посредствомъ устройства соотвѣтствующихъ современнымъ потребностямъ, банковыхъ учрежденій. — 4) Объ устройствѣ медицинской части съ цѣлью увеличенія числа врачей и лѣчебницъ,

землевладѣльцевъ вообще, чѣмъ собственно дворянъ; съ какого же права вы, уже не владѣльцы, не представители крестьянъ, будете одни объ нихъ разсуждать? Отказомъ рѣшительнымъ идти путемъ предложеннымъ бюроктратіею, вы бы доказали что, съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ, кончилась и собственная ваша отъ нея зависимость, что вы понимаете свое положеніе, свои права, и что можете обсуживать предложенныя дѣла не иначе, какъ съ прочими сословіями, въ нихъ заинтересованными. Что выиграете вы, высказавши свои мнѣнія? Бюрократія соберетъ ихъ въ кучу, составитъ изъ нихъ сводъ, напечатаетъ ихъ, пожалуй, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и сочинитъ свой проэктъ, который разумѣется не удовлетворитъ никого — ни васъ, ни крестьянъ; а между тѣмъ послѣдніе будутъ думать что все, для нихъ не выгодное въ законѣ, есть ваше дѣло.

Мы предлагали въ статьѣ, помѣщенной въ приложеніяхъ, образованіе губернскихъ комитетовъ для пересмотра постановленій о дворянствѣ и для составленія соображеній, требуемыхъ нынѣшнимъ его положеніемъ. Послѣ того, мы имѣли случай говорить объ этомъ предметѣ со многими дворянами, и сверхъ того узнали что бюрократія, на представленія дворянства тѣхъ губерній гдѣ,

---

нынѣ находящихся въ губерніи, и сообразнаго съ мѣстными условіями распредѣленія медицинскихъ пособій. — 5) Разсмотрѣніе проэкта по найму рабочихъ.

въ нынѣшнемъ году нѣтъ выборовъ, медлитъ разрѣшеніемъ чрезвычайныхъ собраній для обсужденія вышеупомянутыхъ пяти пунктовъ *); а потому спѣшимъ отказаться отъ прежде предложенной нами полумѣры. Нѣтъ! теперь комитеты уже безполезны и для насъ могутъ быть даже вредны. Легко можетъ повториться исторія комитетскихъ по крестьянскому дѣлу проэктовъ, и выдти такое положеніе, которое не разрѣшитъ ничего, а только спутаетъ и изказитъ дѣло такъ, что уже не будетъ возможности его исправить. Нѣтъ! отъ бюрократіи намъ уже ожидать нечего. Теперь мы должны дѣйствовать такъ, чтобъ уже она не могла нашими руками жаръ загребать. Одно средство для насъ рѣшить дворянское дѣло окончательно и удовлетворительно для всѣхъ, есть дѣйствовать открыто и сообща съ прочими сословіями въ государствѣ.

Поймемъ-те же наконецъ, что мы отдѣльно слабы, ничтожны, что мы пользуемся мнимыми привилегіями, платя за нихъ цѣною дѣйствительныхъ правъ, коихъ мы лишены; что пока мы останемся чѣмъ-то особеннымъ, мы будемъ только покорны-

---

*) Что это значитъ? Не очевидно ли что бюрократія бросила эти пять пунктовъ для забавы дворянства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ собранія его неизбѣжны, ни мало не дорожа полученіемъ мнѣній отъ всего русскаго дворянства; иначе она сама бы пригласила дворянъ чрезвычайно собраться и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ въ нынѣшнемъ году нѣтъ выборовъ. И такія finesses cousues de fil blanc — удаются!

ми слугами не Царя, не Отечества, а всѣмъ намъ равно ненавистной бюрократіи, и что только соединеніемъ съ народомъ мы можемъ пріобрѣсти значеніе въ государствѣ. Прося объ утвержденіи и расширеніи нашихъ преимуществъ, мы дѣйствуемъ противъ себя и въ пользу враговъ нашихъ. Бюрократія конечно рада будетъ намъ бросить какія нибудь привилегіи; но къ чему онѣ послужатъ? Только къ тому, чтобъ намъ окончательно себя погубить и уже пасть такъ, чтобъ возстаніе было для насъ совершенно невозможнымъ. Нашимъ рѣшительнымъ и единственнымъ словомъ должно быть: единеніе съ народомъ.

III.

Финансовое дѣло.

Растройство нашихъ финансовъ еще не оставляетъ предмета общаго обсужденія ни въ литературѣ ни въ собраніяхъ разныхъ сословій; но почему? Потому во 1-хъ, что о русскихъ финансахъ, мы почти ничего не знаемъ, ибо единственый источникъ нашихъ свѣденій по этой части, заключается въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, а они крайне скудны и не внушаютъ къ себѣ никакого довѣрія; и во 2-хъ, что собственно о нашихъ финансахъ намъ и разсуждать запрещено. А между тѣмъ дѣло финансовое, какъ cauchemar, какъ лѣшій,

давитъ, душитъ насъ. Упадокъ цѣнности кредитнаго рубля, совершенное изчезновеніе золота и серебра изъ народнаго обращенія, невыгодность нашего курса въ отношеніи къ иностраннымъ биржамъ, ежегодные дефициты государственнаго бюджета, общее и повсѣмѣстное безденежіе — безпокоятъ въ высшей степени общественное мнѣніе и потрясаютъ все болѣе и болѣе государственный кредитъ. Къ этому присоединяются расказы, еще болѣе раздражительные, о роскоши двора, о грабежѣ по его управленію, о постройкахъ новыхъ дворцовъ, о деньгахъ, постоянно выпрашиваемыхъ у государя то тѣмъ то другимъ, о совершенной неспособности и разныхъ самыхъ грубыхъ промахахъ людей, завѣдывающихъ финансами, о казнокрадствѣ во всякихъ видахъ и степеняхъ, и пр. А потому легко себѣ представить какъ тревожно, болѣзненно относится общественное мнѣніе къ финансовому вопросу, какъ оно имъ растроено и какое расположеніе духа овладѣваетъ при думѣ о немъ, всякимъ искренно любящимъ свое отечество. Ко всему этому присовокупляются еще другія заботы: всѣ сознаютъ необходимость усиленно заняться постройкою желѣзныхъ дорогъ и шоссе, улучшеніемъ водяныхъ сообщеній, увеличеніемъ окладовъ жалованія служащихъ, и пуще всего предстоящимъ, неизбѣжнымъ выкупомъ крестьянскихъ земель. И частные люди и правительство равно убѣждены въ томъ, что необходимо окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ, и что, только по-

средствомъ выкупа, можно достигнуть этаго результата; а, при не сомнѣнной и опытами доказанной неспособности нашихъ финансёровъ, какъ рѣшиться на мѣру громадную, могущую разорить частныхъ людей и окончательно ввергнуть государство въ полное банкрутство!

Нашъ государственный долгъ, конечно, не огроменъ въ сравненіи съ итогами, которыхъ онъ достигъ въ другихъ странахъ, а между тѣмъ даже имперская Францiя и въ революціи обрѣтающаяся Италія пользуются, на биржахъ, бóльшимъ кредитомъ чѣмъ Россія. Наши подати и налоги необременительны, сравнительно съ тѣми, которыя платятся въ другихъ земляхъ, а между тѣмъ и они собираются съ большимъ трудомъ и съ большими расходами. Мы богаче другихъ естественными произведеніями и весьма способны заняться фабричною промышленностью, а торговля наша идетъ такъ, что мы постоянно приплачиваемъ деньгами за излишки привоза противъ вывоза. Мы мало тратимъ на улучшеніе путей сообщенія, на распространеніе просвѣщенія и на другія производительные расходы, а между тѣмъ нашъ бюджетъ представляетъ всегда дефициты, которые должны покрываться или займами или новыми выпусками ассигнацій. Мы добываемъ ежегодно значительныя количества серебра и золота, а ни одной звонкой, полноцѣнной монеты нѣтъ у насъ въ народномъ обращеніи. Отъ чего все это?

Причины такихъ явленій и ясны и вполнѣ законны.

Даютъ ли охотно въ заемъ человѣку или государству, котораго достатки, приходы и расходы достовѣрно неизвѣстны, и котораго способность распоряжаться дѣлами болѣе чѣмъ сомнительна? Даже обнародованіе бюджета и другія оффиціальныя извѣщенія мало помогутъ кредиту заемщика, ибо кто удостовѣритъ въ ихъ непреложности и положительности? Времена, когда вѣрили на слово и когда громадность средствъ, при малыхъ долгахъ, вполнѣ обезпечивала кредиторовъ, къ сожалѣнію, миновали; нынѣ вѣрятъ, лишь положивши палецъ въ рану, т. е. гласности настоящей, сопровождаемой прямымъ контролемъ общественнаго мнѣнія по финансовымъ дѣламъ, и полною отвѣтственностью по закону лицъ, распоряжающихся деньгами. По мимо этихъ условій, кредитъ въ наше время не возможенъ, и, развѣ лихвенные проценты или барыши, заставятъ нѣкоторыхъ капиталистовъ на рискованную ссуду.

Не тяжело заплатить свою долю на покрытіе государственныхъ расходовъ, когда знаешь что деньги идутъ на необходимые расходы, что они употребляются правильно и бережливо, и что ни копѣйка не совращается съ пути, ей предназначеннаго. А когда распространено и укоренено убѣжденіе въ совершенно тому противномъ, то конечно всякій старается платить какъ можно меньше и

позже, и за счастіе считаетъ спасти изъ рукъ казнокрадовъ всякую копѣйку, ими положительно не исторгаемую.

Охотно принимаютъ или удерживаютъ у себя обязательства частнаго человѣка или государства, которыя во всякое время, можно размѣнять на такую монету, которая имѣетъ почти одинакую цѣнность во всемъ образованномъ мірѣ; но что́ сказать о билетахъ, на которыхъ написано: „по предъявленіи сего выдается изъ размѣнныхъ кассъ експедиціи кредитныхъ билетовъ столько то рублей серебряною или золотою монетою,“ и по которымъ нельзя получить ни единаго полуимперіала, ни единаго рубля серебрянаго, а имѣющій надобность въ звонкой монетѣ долженъ ее покупать съ потерею 15 коп. на кредитный рубль? Какъ назвать такое положеніе неисполняющаго свои обязательства? Думаю — несостоятельностью или банкрутствомъ. Частнаго человѣка, за такой поступокъ, сажаютъ въ тюрьму, а бюрократія его совершаетъ и еще требуетъ чтобы продолжали ей вѣрить. Могутъ быть чрезвычайные случаи, въ военное время, когда правительство вынуждено рѣшиться на временное пріостановленіе выдачи звонкой монеты или на выпускъ излишнихъ ассигнацій; но послѣ мира, первѣйшею его заботою должно быть возстановленіе нормальнаго порядка вещей. Мы наслаждаемся миромъ около шести лѣтъ; мы тратимъ деньги какъ въ обыкновенное время, ни въ чемъ себѣ не

отказывая; министерство финансовъ даже получаетъ награжденія; а государственная несостоятельность сдѣлалась нашимъ нормальнымъ положеніемъ. Нѣтъ! возвращеніе рублю его настоящаго достоинства есть дѣло такое неотложное и необходимое, въ отношеніяхъ нравственномъ, политическомъ и экономическомъ, что до исполненія этой обязанности, не слѣдовало бы тратить ни одной копѣйки ни на какія, даже самыя полезныя предпріятія, а тѣмъ еще менѣе на прихоти, на денежныя награды и пр. Какъ частный человѣкъ, такъ и государство, обязаны сперва исполнить свой долгъ и уже потомъ распоряжаться свободно своими деньгами. Сверхъ того, самый тяжкій заемъ выгоднѣе несостоятельности; ибо она подрываетъ, уничтожаетъ кредитъ, а, въ наше время, безъ кредита, какъ безъ воздуха, жить нельзя.

При такой финансовой неурядицѣ, мы находимся въ крайности употребить болѣе тысячи милліоновъ рублей серебромъ на дѣла, отлагательства не терпящія. Въ состояніи ли это исполнить нынѣшнее министерство со всѣми финансовыми комитетами? Нѣтъ! такой подвигъ не по силамъ бюрократіи: онъ можетъ быть совершенъ только Царемъ обще съ народомъ, еще готовымъ лично ему вѣрить.

IV.

Бюрократія.

Теперь приступаемъ мы, изъ всѣхъ важныхъ нами разсмотрѣнныхъ дѣлъ къ важнѣйшему, тому, который, какъ гнетъ, лежитъ на всѣхъ остальныхъ, который собою заграждаетъ имъ исходъ къ свѣту, и заключаетъ въ себѣ источникъ прошедшихъ, настоящихъ и еще (надѣемся не на долго) будущихъ бѣдствій для Россіи.

Бюрократія владычествуетъ у насъ не со вчерашняго дня; но ея сила увеличилась, ея система развилась и выработалась особенно въ послѣдніе пятьдесять лѣтъ. Бумажность нашего дѣлопроизводства, отдаленность управляемыхъ мѣстностей отъ центра управленія, стремленіе власти сосредоточить въ Петербургѣ все болѣе и болѣе умножающіяся и усложняющіяся дѣла, крѣпостная зависимость огромнаго большинства жителей имперіи, угодливость и уступчивость остальныхъ — вотъ главнѣйшія обстоятельства, которыя усилили бюрократію и возвели ее на ту степень всемогущества, на которой она нынѣ обрѣтается.

Назначаемая царемъ почти исключительно изъ дворянъ, бюрократія составляетъ что-то особенное, самостоятельное, стольже вредное и опасное для государя, сколько гибельное и ненавистное для Россіи и даже для того сословія, изъ котораго она исхо-

дитъ. Она не есть совокупность должностныхъ лицъ, служащихъ царю и отечеству; она есть іерархія, пріобщенная къ священнымъ дарамъ самодержавія, считающая Россію своею вотчиною а себя провидѣніемъ, надъ нею поставленнымъ, имѣющимъ право и обязанность распоряжаться всѣмъ и вездѣ самопроизвольно, безотвѣтственно передъ гражданами и почти передъ государемъ. Она многочисленна едвали не какъ песокъ на днѣ морскомъ, раскинута на всемъ пространствѣ имперіи и собою заслоняетъ Россію отъ царя и царя отъ Россіи. Она обо всемъ доноситъ, собираетъ всѣ справки, представляетъ по всѣмъ дѣламъ свои мнѣнія, и ея слова, подъ печатью оффиціальности и канцелярской тайны, пользуются привилегіею непреложности. Она получаетъ всѣ повелѣнія и предписанія гласныя, конфиденціальныя и секретныя, часто отмѣняющія, пополняющія или объясняющія законы, помѣщенные въ Сводѣ, и такимъ образомъ она является вмѣстилищемъ тайнъ управленія и владыкою судебъ всѣхъ гражданъ. Становой, исправникъ, губернаторъ, министръ — всѣ самодержавствуютъ подъ видомъ исполненія высшихъ указаній, и, непокоряющихся ихъ произволу отдаютъ подъ судъ, сажаютъ подъ арестъ, заключаютъ въ тюрьму, наносятъ имъ всякія оскорбленія, и все это почти безнаказанно: изъ сотни одинъ, за дѣйствія уже черезъ чуръ беззаконныя, подвергается увольненію отъ службы. Да и какъ строго взыскать съ чиновника? Вѣдь въ немъ надо-

бно, по понятіямъ бюрократіи, поддержать агента власти, самую власть.

Бюрократія обращается съ законами очень безцеремонно; для нея они суть статьи книги, также легко измѣняемой какъ и сочиняемой; онѣ ею исполняются глядя по высшимъ (а иногда и очень низкимъ) соображеніямъ и потребностямъ. Взглядъ бюрократіи на законы очень вѣрно, хотя и слишкомъ наивно, высказанъ былъ, въ царствованіе императора Николая, однимъ государственнымъ мужемъ литератору, вызванному имъ по поводу статьи, помѣщенной въ журналѣ, и оправдывавшемуся тѣмъ, что она пропущена цензурою и что, по закону, авторъ уже за тѣмъ не подлежитъ отвѣтственности. „Какъ!" вскрикнулъ негодованія исполненный сановникъ, „смѣете вы мнѣ говорить о законахъ; они обязательны для низшихъ а не для высшихъ властей.

У насъ самодержавствуетъ не государь, а бюрократія. Онъ не можетъ все видѣть своими глазами и слышать своими ушами. Бюрократія ему докладываетъ, доставляетъ всѣ свѣденія, излагаетъ свои мнѣнія, и если бы императоръ занимался 48 часовъ въ сутки, то онъ не могъ бы со вниманіемъ прочесть все, что поступаетъ на его рѣшеніе и утвержденіе. Даже не министры и директоры департаментовъ имѣютъ, на вершеніе дѣлъ, преимущественное вліяніе; кромѣ разумѣется нѣкоторыхъ случаевъ, когда въ угоду такому или другому лицу,

пользующемуся особымъ довѣріемъ en haut lieu, или по другимъ не менѣе уважительнымъ причинамъ, нужно дать дѣламъ особенный ходъ; по бóльшей же части, столоначальники, у которыхъ бумаги въ рукахъ, важнѣе, сильнѣе самихъ министровъ, отъ ибо доклада почти всегда зависитъ и рѣшеніе. Не губернаторы у насъ управляютъ губерніями, а становые пристава, которые на мѣстѣ, при началѣ дѣла, даютъ ему то направленіе какое хотятъ. Скажемъ еще больше. Даже не всегда люди у насъ ведутъ дѣла, а часто значительное участіе въ ихъ вершеніи принадлежитъ бумагамъ. Нижніе чиновники бóльшею частью пишутъ плохо и неясно; ихъ донесенія, читаемыя обыкновенно съ небрежностью, перейдя чрезъ различныя пониманія и редакціи чиновниковъ многочисленныхъ инстанцій, иногда доходятъ до того лица, которое должно рѣшить въ такомъ измѣненномъ видѣ, что его резолюціи отчасти или вовсе уже не соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію. Отсюда новое поприще для произвола — истолкованіе и приведеніе въ дѣйствіе неисполнимыхъ или неясныхъ начальническихъ предписаній. — Однимъ словомъ мы всѣ чувствуемъ и знаемъ что есть гдѣ-то власть, распоряжающаяся, разрѣшающая и запрещающая, по бóльшей части тѣснящая и гнетущая, но мы не вѣдаемъ настоящаго ея мѣстонахожденія; ибо всѣ сановники и чиновники увѣряютъ, что они только

исполнители воли высшихъ, надъ ними поставленныхъ.

Бюрократія наша не есть нѣчто въ родѣ іезуитскаго ордена, набирающаго въ свои дѣятели людей способныхъ, предпріимчивыхъ и дѣятельныхъ; нѣтъ она, напротивъ того, старается въ себя принимать всѣ возможныя посредственности, людей безхарактерныхъ, уступчивыхъ и низкопоклонныхъ. Всего противнѣе для бюрократіи люди съ убѣжденіями. Они, по ея понятіямъ, суть чистые революціонеры, идеологи, люди опасные, которыхъ необходимо удалять отъ службы; они могутъ быть ей только вредны. И надо признаться, что бюрократія составила свое полчище вполнѣ соотвѣтственно своимъ желаніямъ и потребностямъ: не наткнешься въ ней ни на одного человѣка съ убѣжденіями и съ независимымъ характеромъ.

Наша бюрократія не есть сообщество хитрецовъ или людей злыхъ, поклявшихся поработить себѣ Россію и потомъ устремить ее къ цѣли, ими для нее предположенной. Нѣтъ! наши бюрократы большею частью добряки, лѣнтяи, которые не хлопочутъ о завоеваніяхъ, и не тревожатъ себя отысканіемъ для Россіи особаго какого-либо назначенія; они не имѣютъ своихъ убѣжденій и думаютъ только о томъ, какъ бы подольше усидѣть на своихъ мѣстахъ или вскарабкаться на высшія, къ солнцу ближайшія. Предметъ ихъ любви — statu quo; ихъ цѣль сохраненіе, по возможности увѣковѣченіе

тѣхъ выгодъ, которыя имъ доставляетъ нынѣшній порядокъ вещей; они были бы и не противъ искорененія злоупотребленій (разумѣется не тѣхъ, которыя они сами допускаютъ и которыми пользуются); но этимъ путемъ, пожалуй, потрясешь statu quo, завлечешь себя въ хлопоты, умножишь дѣла, которыя и безъ того едва дозволяютъ имъ ѣхать на обѣдъ къ такому то великому мужу или на вечеръ, чтобы за картами отдохнуть отъ державныхъ трудовъ. Всякій, высказывающій какія либо мысли изъ ряда вонъ или представляющій проэктъ по предмету, еще свыше неуказанному, является имъ врагомъ, покушающимся на ихъ владѣнія или покрайней мѣрѣ на ихъ спокойствіе.

Наши сановники и чиновники вовсе не считаютъ себя обязанными служить, быть полезными своимъ согражданъ. Отъ службы отечеству, они не прочь; отечество есть понятіе очень условное, широкое и ни къ чему не обязывающее; а между тѣмъ это слово очень кстати и пріятно въ получаемыхъ рескриптахъ на ордена или съ изъявленіемъ монаршаго благоволенія. Въ ежедневной же, дѣйствительной жизни наши сановники и чиновники служатъ усердно только начальству и считаютъ священнымъ долгомъ относиться съ искательнымъ подобострастіемъ къ высшимъ, съ гордымъ благоволеніемъ къ подчиненнымъ и съ полнымъ презрѣніемъ ко всему остальному люду. Образованные сановники, особенно въ Петербургѣ,

допускаютъ незначительный варіантъ въ обхожденіи съ частными людьми: они отмѣнно съ ними вѣжливы и даже охотно выслушиваютъ пріѣзжихъ, если ихъ бесѣда продолжается не болѣе нѣсколькихъ минутъ, и если ихъ посѣщенія не повторяются. Есть конечно еще случаи, въ которыхъ сановники и чиновники бываютъ чрезвычайно милы, но объ этой язвѣ, уже такъ много говорено и это всѣмъ такъ извѣстно, что здѣсь объ этомъ распространяться считаемъ совершенно излишнимъ. Клеймо позора въ семъ отношеніи, такъ выжжено на лбу чиновничества, что ради этаго одного уже слѣдовало бы уничтожить чины, преобразовать государственную службу и болѣе не обозначать должностныхъ людей этимъ постыднымъ наименованіемъ.

Система управленія бюрократіи очень проста и удобна. Для нея дѣла — не событія, не проявленія дѣятельности гражданъ, а бумаги, номера, которыя надобно очистить. При этомъ главная забота бюрократіи какъ бы сбыть бумагу, не высказавши своего мнѣнія, не обезпокоивши докладомъ высшее начальство, и притомъ такъ, чтобы можно было въ послѣдствіи, по востребованію обстоятельствъ, и перерѣшить дѣло. Для бюрократіи, государство, граждане не суть существа ради которыхъ, въ пользу и въ смыслѣ которыхъ ей должно дѣйствовать; нѣтъ! для нея Россія и ея жители суть Богомъ отведенный удѣлъ бюрократіи, которымъ она обязана управлять по своимъ

понятіямъ, правиламъ и предъусмотрѣніямъ, и ради собственныхъ своихъ бóльшихъ выгодъ. — Наша бюрократія вовсе не враждебно расположена къ Россіи; какъ можно ненавидѣть свое достояніе! Она желала бы ей даже всякихъ благъ, лишь бы только они не заключали въ себѣ ничего вреднаго для бюрократіи, т. е. такого, что можетъ нарушить ея мирное обладаніе благами существующаго порядка вещей. Личная свобода, обезпеченіе правъ имущественныхъ, стоятельность суда, отсутствіе цензуры, гласныя обсужденія дѣлъ общественныхъ и пр. — суть, въ глазахъ бюрократовъ, такіе предметы, которыхъ подъ смертною казнью, не должно касаться, ибо они враждебны statu quo и ведутъ прямо къ революціи. Людей, возбуждающихъ подобные вопросы, мало ссылать въ Сибирь или сажать въ крѣпости — ихъ надобно уничтожать. Тутъ наши добряки превращаются въ кровожадныхъ тигровъ, и горе добросовѣстнымъ людямъ, осмѣливающимся защищать такихъ извергов.

Странно: въ бюрократіи много людей прекрасныхъ, образованныхъ, искренно любящихъ свое отечество и достойныхъ всякаго уваженія, а, при исправленіи своихъ служебныхъ обязанностей, и они являются истыми бюрократами, даже болѣе жестокими преслѣдователями свободно развивающейся жизни, чѣмъ старые, закоренѣлые служаки. Еще страннѣе слѣдующее, къ несчастію, часто повторяющееся явленіе: еще третьяго дни такой-то

былъ частнымъ человѣкомъ, либераломъ, заклятымъ врагомъ бюрократіи и приверженцемъ свободнаго развитія общественной жизни; но вчера онъ попалъ въ бюрократію, и уже сегодня державныя заботы имъ до того овладѣли, что онъ считаетъ всякое проявленіе независимой дѣятельности оскорбленіемъ и нарушеніемъ верховныхъ правъ.

Отъ чего же хорошіе, честные, благонамѣренные люди становятся дурными и вредными, какъ скоро они попадаютъ въ бюрократію? Отъ чего самые ожесточенные бюрократы, судьбою выброшенные въ жизни частную, въ короткое время, дѣлаются опять людьми, какъ и всѣ прочіе? — Какъ полезно было бы нашимъ государственнымъ людямъ улучить себѣ минуту на размышленіе о семъ замѣчательномъ явленіи. Тогда, быть можетъ, они бы сами увидѣли что зло въ системѣ, которой они продаютъ свою душу, что эту систему нельзя улучшить ни людьми, ни преобразованіями, и что она должна быть цѣликомъ замѣнена иною.

Справедливость требуетъ сказать что, въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ поднятъ вопросъ крестьянскій, бюрократія значительно видоизмѣнилась. Учреждено въ Петербургѣ болѣе комитетовъ для составленія новыхъ уставовъ, положеній, правилъ и пр., чѣмъ сколько дней въ году; либерализмъ и гуманность сдѣлались лозунгами нашихъ правителей; пріобрѣтеніе мѣстныхъ свѣдѣній, чрезъ статистическія вѣдомости или чрезъ при-

глашеніе експертовъ, сдѣлалось болѣзненною потребностью бюрократіи; она даже рѣшается поднимать вопросы, самые для нея непріятные, и открывать клапаны для выпуска сгущенныхъ паровъ общественной жизни. Но что̀ все это значитъ и къ чему оно ведетъ? Государю угодно было указать иной путь, по которому должно идти управленіе, и бюрократія, хотя не охотно, хотя съ задними мыслями, но съ тѣмъ бо̀льшиомъ усердіемъ туда ринулась, храня надежду, быть можетъ завтра, возвратиться вспять, и твердо рѣшившись, съ измѣненіемъ словъ, сберечь дѣло въ цѣлости. Въ сущности, бюрократія осталась тѣмъ же чѣмъ была. Это она несомнѣнно доказала какъ составленіемъ, по крестьянскому вопросу, положенія, ничего не разрѣшающаго и все запутывающаго, такъ и разными преобразованіями по финансовой части, ничего не улучшающими и никого не облегчающими, а на противъ того многихъ весьма стѣсняющими. Не обнародованные ея проэкты носятъ тотъ же отпечатокъ. Нѣтъ! новаго вина въ старые мѣхи вливать нельзя; старое платье новыми заплатами не исправляется, не чинится, а только безобразіе его становится ярче и невыносимѣе.

Бюрократію и устройство, ею порожденное и покровительствуемое, измѣнить постепенно и по частямъ — невозможно. Надобно пресѣчь корень зла; а это можетъ совершиться только или чрезъ

кровавыя революціи или посредствомъ благовременнаго, искренняго и полнаго единенія Царя съ народомъ. Дай Богъ чтобы послѣднее выпало на долю Россіи! Характеръ Александра II служитъ намъ залогомъ что, какъ въ прежнія времена такъ и теперь, отечество наше мирно достигнетъ того, что̀ въ другихъ странахъ, пріобрѣталось насиліемъ, послѣ бурь и непогодъ.

Дѣла самыя важныя, самыя существенныя, какъ мы видѣли, стоятъ на первой очереди и требуютъ безотлагательнаго, кореннаго разрѣшенія. Очевидно всѣмъ и каждому, что путемъ, доселѣ обычнымъ, они удовлетворительно покончены быть не могутъ. Жизнь, долго подавленная въ Россіи и скрывавшаяся во внутренныхъ ея тайникахъ, овладѣла теперь всѣмъ нашимъ общественнымъ бытомъ. Бумажный формализмъ, чиновники, чуждые и ненавистные народу, распоряженія, несоотвѣтствующія общимъ потребностямъ страны, и власть одинокая, сама въ себѣ заключенная — уже не въ состояніи справиться съ дѣлами жизни. Лишь общеніе, единеніе живаго съ живымъ, можетъ дать нужныя силы и средства къ мирному и вѣрному исходу изъ нынѣшняго критическаго положенія. И въ прежнія времена, въ затруднительныхъ слу-

чаяхъ, цари призывали на совѣтъ выборныхъ отъ всей земли Русской. Когда же какъ не нынѣ, обратиться къ этому умиротворительному, плодотворному средству? Созванiе Земской Думы въ Москвѣ, въ сердцѣ Россiи, поодаль отъ бюрократическаго центра, есть, по нашему крайнему разумѣнiю, единственный путь къ разрѣшенiю великихъ задачь, нашему времени указанныхъ.

Но это Парламентъ? Конституцiя? Ни то, ни другое. Для насъ въ настоящее время, самодержавiе необходимо. Оно одно могло благовремѣнно и мирно уничтожить крѣпостное состоянiе съ надѣленiемъ крестьянъ землею; оно одно можетъ, свыше и безъ потрясенiй, разрѣшить многiе жизненные для Россiи вопросы. Но самодержавiе единаго царя не значитъ самовластiе многотысячной бюрократiи, употреблявшей во зло довѣрiе монарха и терпѣнiе народа. Самодержавiе сильно, дѣйственно, только тогда, когда, устраняя угодниковъ, наперстниковъ и посредниковъ, входитъ въ непосредственныя сношенiя съ народомъ и становится къ нему лицемъ къ лицу. Царскiя слова, появленiе царя по среди народа, имѣютъ у насъ силу чрезвычайную. Спросите Русскiй народъ: желаетъ ли онъ чтобы царь его былъ самодержавенъ, и отвѣтъ народа будетъ конечно положительный и единодушный; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изъявитъ желанiе, чтобы государь зналъ нуж-

ды народа, чтобъ онъ ихъ зналъ отъ него самаго, и выслушивалъ его рѣчи о томъ, какъ что лучше приказать и установить. Выборное начало у насъ старше самой Россіи; а совѣщательныя думы прекратились лишь съ воцареніемъ бюрократіи. Онѣ не опасны самодержавію; при нихъ только не возможно, на лжи, обманѣ основанное управленіе.—Что значитъ: конституція? Если подъ этимъ словомъ разумѣется государственное уложеніе съ двумя палатами, съ искуственнымъ уравновешеніемъ властей и съ превращеніемъ государя въ царствующую куклу, то такой конституціи, твердо надѣемся, у насъ никогда не будетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы глубоко убѣждены что, не теперь а со временемъ, узнавши чрезъ земскія думы о настоящихъ потребностяхъ страны, царь дастъ Россіи государственную уставную грамоту, которою обезпечитъ намъ всѣ тѣ права, которыя существенны для человѣка-гражданина, и которыя, въ другихъ земляхъ, добывались борьбами и насиліями.

Но кого и какъ собрать у насъ теперь въ Земскую Думу? Вѣдь состоянія въ Россіи еще твердо не устроены; крестьяне только что вышли изъ крѣпостной зависимости; горожане также не представляютъ потребныхъ элементовъ для общаго представительства. — Года четыре тому назадъ, и даже гораздо позднѣе, насъ увѣряли что крестьяне такъ необразованны, что не могутъ быть еще воль-

ными. Мы доказывали противное, говоря, между прочимъ, что мысль свободы такъ проста и естественна, что она по силамъ всякому человѣку, и что Русскіе, глубоко просвѣщенные своею церковью и образованные общиннымъ устройствомъ, способнѣе прочихъ не только понять свободу, но и разумно ею пользоваться. Событія вполнѣ оправдали наши слова. Теперь, не съ меньшею увѣренностью, скажемъ что, избраніе надежныхъ людей въ Думу, Русскій народъ съумѣетъ произвести не хуже всякаго другаго, лишь бы бюрократія не вздумала его спутать ученою регламентаціею.

Дѣло могло бы устроиться очень легко и просто. Отъ каждой крестьянской волости явилось бы въ уѣздный городъ, по одному выборному; отъ землевладѣльцевъ было бы равное число выборныхъ. Горожане избрали бы также своихъ представителей; а число ихъ должно бы быть соразмѣрнымъ, по народонаселенію, числу выборныхъ отъ сельскихъ обывателей, т. е. отъ крестьянъ и землевладѣльцовъ, но, ни въ какомъ случаѣ, не превышающемъ количества выборныхъ отъ однаго изъ сельскихъ состояній. Эти выборные сообща потолковали бы о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ уѣзда, узнали бы другъ друга, и затѣмъ избрали бы нужное число выборныхъ (отъ 3-хъ до 6-ти) въ губернскую думу. Въ губернскомъ собраніи, повторилось бы тоже что было въ уѣздномъ, и въ заключеніе равнымъ образомъ назначены были бы

выборные (также отъ 3-хъ до 6-ти) въ общую Земскую Думу. Только въ первой инстанціи, т. е. въ уѣздныхъ собраніяхъ были бы выборные отъ каждаго состоянія; въ прочія же собранія, явились бы выборные не отъ состояній, а отъ мѣстностей. Это мы считаемъ особенно важнымъ какъ по тому, что у насъ строго отдѣленныхъ состояній нѣтъ и никогда не будетъ, такъ и потому, что въ число выборныхъ присланы были бы люди вообще лучшіе, могущіе судить о дѣлахъ общихъ, и умѣющіе излагать словесно и письменно свои свѣденія и мнѣнія. Мы поставили въ скобкахъ число отъ 3-хъ до 6-ти потому, что уѣзды и губерніи очень не ровны по народонаселенію; и слѣдовательно самые малолюдные уѣзды и губерніи имѣли бы по 3, самые многолюдные—по 6-ти выборныхъ, а остальные—по соразмѣрности. Такимъ образомъ уѣздныя собранія, бо̀льшею частью, состояли бы изъ 50-ти до 60-ти членовъ; губернскія были бы не многочисленнѣе; а Общая Дума заключала бы въ себѣ отъ 250 до 300 выборныхъ.

Общей Земской Думѣ должны бы быть, въ началѣ, предложены тѣ существенныя дѣла, коихъ рѣшеніе для Россіи такъ необходимо. Тутъ крестьянское дѣло завершится легко и окончительно, ибо при благодатномъ общеніи между собою людей всѣхъ состояній, при открытіи новой эры для Россіи, всѣ охотно согласятся помочь крестьянамъ при выкупѣ ими земель. Дворяне по-

спѣшатъ отрѣчься отъ своихъ привилегій, потребуютъ равенства передъ закономъ, и съ радостью примутъ, за уступаемыя земли, меньшія деньги, но деньги настоящія, обезпеченныя всею Россіею, — царемъ и народомъ. Финансовое дѣло, не разрѣшимое при недовѣріи гражданъ къ бюрократіи, не однократно ихъ обманывавшей, устроится само собою при возвращеніи довѣрія къ правительству, ибо кредитъ есть деньги, драгоцѣннѣйшій металъ; и даже, для немедленнаго возстановлнеія цѣнности рубля, т. е. для исправленія грѣховъ минувшихъ, можетъ быть сдѣланъ за границею заемъ, на иныхъ условіяхъ чѣмъ тѣ, которыя предложили бы капиталисты нынѣшней бюрократіи. При обсужденіи всѣхъ этихъ предметовъ, выкажутся люди способные, пользующіеся общимъ уваженіемъ; изъ нихъ можетъ быть составлено министерство единомысленное, дѣльное, знающее нужды и желанія Россіи и внушающее ей полное довѣріе. Такіе министры, не искаженные бюрократизмомъ и поступающіе, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, всѣ единовременно на службу, будутъ въ силахъ дать ей иное значеніе и преобразовать ея устройство и отправленія.

Слѣдовательно единственный исходъ для Россіи изъ нынѣшняго ея положенія, исходъ вѣрный и истинно русскій есть проявленіе царскаго

довѣріе къ народу — созваніе на общій совѣтъ выборныхъ отъ всей земли Русской — созваніе Общей Земской Думы въ Москвѣ.

Дай Богъ! чтобы слова, нами высказанныя съ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ, были приняты нашими согражданами благодушно и къ сердцу, чтобы эти строки содѣйствовали къ ихъ ободренію и успокоенію, и чтобы онѣ удостоились благосклоннаго вниманія Того, на кого обращены наши взоры и надежды.

Декабря 1861.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Что̀ такое русское дворянство

и

чѣмъ оно быть должно?

I.

Нельзя не поблагодарить „День“ за возбужденіе и правильное постановленіе вопроса о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ значеніи дворянства у насъ на Руси. Вѣдь это для насъ не только to be or not to be, но и злоба дня сего, даже настоящаго часа. Необходимо намъ повнимательнѣе вникнуть въ этотъ вопросъ, безъ предъубѣжденій оцѣнить наше настоящее и, отложа въ сторону и барскую спѣсь и барскую лѣнь и предразсудки всякаго рода и происхожденія, спросить себя откровенно: чѣмъ же мы должны быть въ будущемъ?

Мы не станемъ говорить объ историческомъ значеніи дворянства; эта сторона вопроса весьма вѣрно, хотя кратко, однако вполнѣ удовлетворительно разъяснена въ передовой статьѣ No. 8 „Дня“*): здѣсь мы разсмотримъ нынѣшнее положеніе дворянства и осмѣлимся представить, на судъ нашихъ собратій, нѣсколько мыслей на счетъ того, чего мы должны ожидать отъ будущаго.

---

*) Мы перепечатываемъ при семъ обѣ статьи изъ газеты „День“, потому что наша должна была служить имъ продолженіемъ.

Многіе толкуютъ о дворянствѣ, о поддержаніи его сословной самостоятельности, о сохраненіи его правъ и преимуществъ; но знаютъ ли эти многіе, что̀ такое дворянство по той грамотѣ, которою они гордятся? Это опредѣленіе, отъ слова до слова, перешло въ Сводъ законовъ т. IX. ст. 14. изд. 1857 года, и вотъ оно:

„Дворянское *названіе* есть слѣдствіе, изтекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами; чѣмъ обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему *нарицаніе* благородное“.

Въ статьѣ 2-й того же тома сказано:

„Въ составѣ городскаго и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются закономъ четыре главные *роды людей*; 1) дворянство, 2) духовенство; 3) городскіе обыватели и 4) сельскіе обыватели.“

Слѣдовательно нигдѣ дворянство даже *не названо сословіемъ*, а просто состояніемъ; какую можетъ оно имѣть самобытность, когда всякій имѣетъ право въ него входить, безъ его вѣдома и согласія! Что это за аристократія, которая считаетъ своихъ членовъ сотнями тысячь, и которой покрайней мѣрѣ четыре пятыхъ не имѣютъ куска насущнаго хлѣба.

Дворянство, и по закону и на самомъ дѣлѣ, есть только состояніе — названіе — нарицаніе.

Но быть можетъ съ этимъ состояніемъ, названіемъ, нарицаніемъ соединены какія либо значительныя права и преимущества? Откроемъ томы IX и III, и посмотримъ что они намъ представляютъ.

1) Дворяне каждой губерніи составляютъ отдѣльное общество (Т. IX. ст. 88).

Но и купцы и мѣщане и крестьяне имѣютъ свои отдѣльныя общества, пользуясь надъ дворянами тѣмъ преимуществомъ, что они живутъ вкупѣ, а помѣщики не толь-

ко въ губерніи, но даже и въ уѣздѣ разбросаны по одиночкѣ.

2) Дворяне имѣютъ право, для совѣщанія по общественнымъ своимъ дѣламъ, составлять собранія. (ст. 90). — Обыкновенныя собранія бываютъ чрезъ три года, въ опредѣленное время, *съ дозволенія и по распоряженію* начальника губерніи (ст. 92). — Для производства выборовъ и прочихъ дѣлъ назначается до пятнадцати дней (т. III Уставъ о службѣ по выборамъ, ст. 116) — Чрезвычайныя собранія составляются по созыву губернскаго предводителя дворянства, *съ разрѣшенія* начальника губерніи (т. III ст. 95).

И эти права имѣютъ люди прочихъ состояній въ государствѣ, съ тою только разницею, что староста можетъ созвать крестьянъ на сходку во всякое время, не спрашиваясь кого бы то ни было, а уѣздный предводитель не вправѣ собрать своихъ дворянъ, даже въ уѣздное собраніе, не получивши на то предварительно разрѣшенія отъ начальника губерніи.

3) Дворянство имѣетъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ, представлять объ оныхъ, чрезъ губернскаго предводителя, начальнику губерніи и министру внутреннихъ дѣлъ, а въ случаяхъ важныхъ приносить и всеподданнѣйшія прошенія Императорскому Величеству.

Это право конечно весьма значительно; но должно ли оно оставаться исключительнымъ преимуществомъ дворянства? Не слѣдуетъ ли его распространить на всѣ прочія состоянія? Возможно ли лишить какое либо общество права совѣщаться о своихъ нуждахъ и пользахъ, и доводить о томъ, по начальству, до свѣдѣнія высшаго правительства? — Всякій въ Русскомъ царствѣ имѣетъ право, лично или по почтѣ, подать Государю свое всеподданнѣйшее прошеніе; неужели совокупность отдѣльныхъ личностей — общество, будетъ лишено этого права? Нѣтъ!

такое ограниченіе не согласно ни съ духомъ времени, ни съ духомъ правительства, положившаго конецъ крѣпостной зависимости людей.

4) Дворянство имѣетъ право выбирать, не только своихъ предводителей, депутатовъ и прочихъ служащихъ по дѣламъ, исключительно дворянскимъ, но и предсѣдателей палатъ, совѣстнаго судью, уѣздныхъ судей, земскихъ исправниковъ и засѣдателей разныхъ палатъ и судовъ.

Очевидно, что это право, послѣ обнародованія Положеній 19 Фев. 1861 г., не можетъ оставаться исключительною принадлежностію дворянства. Предсѣдатели, судьи и засѣдатели судятъ не однихъ дворянъ, а исправники распоряжаются не ихъ одними дѣлами; прежде мы были владѣльцами крестьянъ, представителями всего огромнаго сельскаго населенія; теперь крестьяне сдѣлались самостоятельнымъ состояніемъ. Слѣдовательно назначеніе сихъ должностныхъ лицъ на будущее время отъ насъ однихъ зависѣть не можетъ. Они будутъ или избираться всѣми сословіями или назначаться правительствомъ. Не разъ говорили, что послѣдній способъ замѣщенія всѣхъ судебныхъ и полицейскихъ должностей имѣетъ быть принятъ; мнѣніе о выгодахъ подобнаго назначенія поддерживается и доселѣ многими бюрократами. Теперь это мнѣніе, кажется, устраняется предположеніемъ предоставить выборъ всѣхъ поименованныхъ должностныхъ лицъ не одному дворянству, а всѣмъ сословіямъ чьи дѣла ими производятся. И справедливость и практическая польза, даже необходимость говорятъ въ пользу этого мнѣнія. Отстаивать противное — значитъ роботать въ пользу мнѣнія бюрократовъ; и проявленіе узко-эгоистическихъ сословныхъ домогательствъ можетъ насъ лишить даже участія въ дѣлѣ, которымъ одни мы теперь завѣдывать не можемъ, и которое, въ соединеніи съ лицами другихъ состояній, мы

можемъ лучше справить, чѣмъ правительство въ пространномъ нашемъ государствѣ.

5) Дворянскіе депутаты, вмѣстѣ съ депутатами отъ городовъ, участвуютъ въ разсмотрѣніи смѣты и учиненіи разкладки земскихъ повинностей (т. IX, ст. 100).

Крестьяне, участвуя въ платежѣ земскихъ повинностей, не могутъ теперь не участвовать, чрезъ своихъ депутатовъ, и въ разсмотрѣніи смѣтъ и въ учиненіи раскладки сихъ повинностей. Это очевидно и не требуетъ никакихъ доказательствъ.

6) Россійскому дворянству даровано навсегда и въ потомственные роды, свобода вступать въ общую государственную службу безъ принужденія къ оной, развѣ бы востребовала того особливая надобность, именнымъ Высочайшимъ указомъ ознаменованная (ст. 188). — Дворянамъ въ прохожденіи службы военной и гражданской, а также и службы по выборамъ, предоставляются особенныя права, въ Сводѣ Военныхъ Постановленій и Уставахъ о службѣ гражданской подробно изчисленныя (ст. 196).

Мы можемъ служить и не служить; имѣемъ право вступать на службу и выходить въ отставку; но не отъ нашего ли сословія всего болѣе состоитъ на государственной службѣ? Даже въ военной службѣ дворянъ болѣе, относительно численности нашего состоянія, чѣмъ даже крестьянъ и мѣщанъ, обязанныхъ отправлять рекрутскую повинность. Слѣдовательно вольность дворянства въ семъ случаѣ есть только мнимая. Что же касается до преимуществъ по службѣ, то мы ими болѣе обязаны нашему образованію, чѣмъ нашему происхожденію. Дверь на службу, чрезъ университеты, гимназіи и разныя учебныя заведенія, отперта для всѣхъ сословій. Мы по преимуществу въ нее входимъ, потому что мы, независимо отъ нашего дворянскаго достоинства, всего болѣе имѣемъ къ тому средствъ и охоты; преимущества же наши по про-

исхожденію теперь почти не существуютъ, и человѣкъ, освободившійся изъ крѣпостной зависимости, образовавшійся въ университетѣ и получившій тамъ степень кандидата или магистра, имѣетъ и по справедливости долженъ имѣть, преимущество надъ плохоучившимся дворяниномъ, хотя бы потомкомъ самаго древняго княжескаго рода.

7) Дворяне судятся одними равными себѣ (т. IX, ст. 97). — Они свободны отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 199). — Они изъемлются отъ личныхъ податей.

Эти права суть права дѣйствительные; ихъ мы должны удержать, но не какъ исключительныя на всегда привилегіи своего состоянія, а какъ права, которыхъ мы достигли прежде прочихъ, которыя мы готовы распространить на всѣхъ, и которыя необходимо должны сдѣлаться достояніемъ каждаго Русскаго гражданина. Пусть право быть судимымъ себѣ равными становится принадлежностію всякаго городскаго и сельскаго обывателя; пусть отъ тѣлесныхъ наказаній изъемлется все бо̀льшее и бо̀льшее число людей; пусть личныя подати переходятъ въ косвенные налоги; все это въ порядкѣ вещей; все это такъ и быть должно. Не исключительнымъ обладаніемъ того, что должно быть правомъ каждаго, можетъ дворянство возвыситься и умножить свою силу, богатство и благосостояніе. Времена, когда можно было жить на счетъ другихъ, прошли, и они уже возвратиться назадъ не могутъ.

8) Помѣщичьи дома свободны отъ постоя (ст. 203).

Желательно, чтобъ это преимущество было распространено на всѣ сословія. Мы знаемъ, какъ тяжела эта повинность для крестьянъ: въ свою единственную избу они должны помѣстить одного или нѣсколькихъ чужихъ людей и дѣлиться съ ними часто послѣднимъ кускомъ мяса. А потому нельзя не желать, чтобъ эта натураль-

ная повинность была въ непродолжительномъ времени обращена въ денежную.

9) Помѣщики допускаются къ подрядамъ и поставкамъ, на всякую сумму, безъ записки въ гильдіи. — Они имѣютъ право, безъ записки въ гильдіи, продавать оптомъ и отпускать, чрезъ учрежденныя таможни и заставы, собственныя свои издѣлія и произведенія своихъ хозяйствъ. (ст. 204, 205 и 206).

Продажа собственныхъ произведеній должна быть свободною для всѣхъ землевладѣльцевъ, ибо съ земли они уже заплатили подать, и требовать ее съ нихъ въ другой разъ было бы несправедливо. Что же касается до права вступать въ заподряды, то имъ изъ дворянства пользуются весьма не многіе. Если мы ставимъ въ казну товары, нами скупаемые и перепродаваемые, т. е. если ведемъ торговлю, то должны и платить подати, съ правомъ на оную сопряженныя.

10) Дворяне имѣютъ право учреждать въ своихъ деревняхъ, безъ записки въ гильдіи, заводы и фабрики (ст. 205). Они пользуются также правомъ устроивать винокурные заводы и производить винокуреніе (ст. 207).

Право учреждать фабрики и заводы принадлежитъ людямъ всѣхъ сословій. Положенія 19 Февраля 1861 года предоставляютъ это право и крестьянамъ. Все преимущество дворянства заключается въ словахъ: *безъ записки въ гильдіи.* Важная ли это привилегія? Не слѣдуетъ ли, въ видахъ государственныхъ, поощрять учрежденіе фабрикъ и заводовъ вообще *внѣ* городовъ? А потому не должно ли распространить это преимущество на владѣльцевъ всѣхъ земель, состоящихъ въ извѣстномъ разстояніи отъ городовъ? Что касается до права винокуренія, то оно конечно важно, но этотъ законъ нарушается ежедневно: купцы берутъ на аренду помѣщичьи заводы и курятъ отъ ихъ имени какъ будто отъ своего.

Даже нѣкоторые купцы покупаютъ земли на имя дворянъ, устроиваютъ тамъ заводы, берутъ съ собственниковъ, въ свое обезпеченіе, заемныя письма или другія обязательства и пользуются правомъ винокуренія, какъ будто статья 207 и не существовала. Слѣдовательно, нѣтъ намъ никакой надобности отстаивать это право, какъ преимущество дворянъ, а не землевладѣльцевъ вообще, и это тѣмъ для насъ легче, что все-таки мы останемся землевладѣльцами по преимуществу.

Вотъ главныя права и преимущества, коими доселѣ пользуются дворяне. Они, конечно, весьма и весьма незначительны. До 19 Февраля мы имѣли исключительное право владѣть населенными имѣніями, крестьянами и дворовыми людьми; но это право, перлъ (хотя и далеко небезукоризненный) нашихъ правъ, теперь есть уже достояніе исторіи; неужели мы будемъ отстаивать лоскуты нашего прежняго барскаго халата? Неужели мы захотимъ сохранить всѣ невыгоды привилегированнаго состоянія, ради пустыхъ преимуществъ, съ нимъ сопряженныхъ? Неужели мы согласимся быть единицами посреди сельскаго населенія, считаться чѣмъ-то особеннымъ, вызывающимъ противъ насъ и зависть и вражду, ради только того, чтобъ величаться титулами: ваше благородіе, ваше высокоблагородіе и проч., и чтобы имѣть право, безъ записки въ гильдіи, устроивать фабрики и заводы? Нѣтъ! мы чувствуемъ ежедневно все болѣе и болѣе безсиліе нашего сословія; мы сознаемъ все яснѣе и яснѣе, что не имѣемъ твердой почвы подъ ногами; и съ каждымъ днемъ убѣждаемся тверже и тверже, что иное назначеніе насъ ожидаетъ и что къ нему мы теперь обязаны устремить всѣ наши усилія.

Какое же наше будущее назначеніе и что должны

мы дѣлать для достиженія его? — это мы попытаемся указать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

II.

Не безъ страха и трепета приступаемъ мы къ продолженію нашей бесѣды. Мы, конечно, не думаемъ представить полные и окончательные отвѣты на вопросы, выше нами постановленные. Нѣтъ! Мы сочтемъ себя весьма счастливыми, если намъ удастся, хотя нѣсколькими указаніями, помочь нашему сословію въ разрѣшеніи трудной задачи, ему предлежащей.

Можемъ ли мы образовать изъ себя настоящую аристократію?

Очевидно, нѣтъ; мы не имѣемъ для того ни исторической почвы, ни средствъ въ настоящемъ. Насъ насчитывается до четырехъ сотъ тысячь душъ обоего пола. Изъ насъ нѣкоторые Рюриковичи, древнѣйшіе дворяне; другіе и весьма многіе—дворяне со вчерашняго дня. Иные обладаютъ огромными помѣстьями; другіе не имѣютъ куска насущнаго хлѣба. Нѣкоторые изъ дворянъ, по просвѣщенію, неуступаютъ наиболѣе образованнымъ людямъ въ Европѣ; но многіе (и даже изъ древнѣйшихъ фамилій) ходятъ въ лаптяхъ, своими руками пашутъ землю и незнаютъ русской грамоты. Изъ такихъ элементовъ нѣтъ возможности составить плотную, сильную аристократію. А дворянство сортовать, выбирать изъ него достойныхъ, *лучшихъ,* кто возьмется и по какимъ признакамъ исключать? Къ тому же, аристократическое начало не въ духѣ нашей исторіи, нашихъ нравовъ и обычаевъ. Были у насъ времена патріархальныя, вывертывались промежутки олигархическіе, но никогда аристократія не играла у насъ

свойственной ей роли. Сверхъ того аристократія, въ самыхъ аристократическихъ государствахъ, теперь съ каждымъ днемъ утрачиваетъ все болѣе и болѣе своей силы; и тамъ, лишь жертвами, уступками, она искупаетъ право на дальнѣйшее существованіе. То ли Англійскій лордъ теперь и тому пятьдесятъ лѣтъ назадъ? Главная сила теперь въ нижней палатѣ, а верхняя — терпима какъ одинъ изъ органовъ всѣми любимой, всѣми чтимой, всячески охраняемой народной, туземной, съ многовѣковымъ обычаемъ сросшейся, конституціи. — Въ настоящее время, создать гдѣ бы то нибыло аристократію труднѣе, безумнѣе чѣмъ плыть противъ сильнаго рѣчнаго потока, чѣмъ на парусахъ итти противъ вѣтра.

Къ счастію, такая мысль и не коренится въ большинствѣ, въ массѣ нашего дворянства; едвали она составляетъ глубокое убѣжденіе хоть одного изъ его членовъ.

Всѣ, почти всѣ чувствуютъ невозможность для дворянства оставаться отдѣльнымъ привилегированнымъ сословіемъ и признаютъ необходимость соединиться съ остальнымъ народонаселеніемъ и, съ нимъ вмѣстѣ, составить живое, сильное, разумное цѣлое. Соединиться? Но какъ? Въ этомъ и вся великая, многотрудная задача!

Иные предлагаютъ намъ записываться въ волости, въ мірскія общества. Мысль эта, съ вида, прекрасная, поэтическая; но какъ ее исполнить? Вдумайтесь въ нее; представьте себѣ что она узаконена и попытайтесь ее привести въ дѣйствіе. Понятія, языкъ, нравы и обычаи у насъ иные, чѣмъ у поселянъ; интересы наши, какъ личныхъ землевладѣльцевъ, въ весьма многомъ различны отъ интересовъ крестьянъ общинниковъ; какъ же мы можемъ составить съ ними одно общество? Сверхъ того, попробуйте явиться, въ качествѣ члена, на мірской сходъ;

и чѣмъ вы тамъ будете? Особнякомъ, и притомъ смѣшнымъ особникомъ. Вы можете дѣлать и говорить что̀ хотите, но на васъ будутъ смотрѣть съ недовѣріемъ, если не съ явнымъ смѣхомъ или негодованіемъ. Старайтесь приноравливаться къ понятіямъ крестьянъ; входите въ ихъ виды и требованія; оставьте, въ своемъ помѣщичьемъ домѣ, излишнее ваше образованіе и привычки, съ нимъ соединенныя; а все таки крестьяне ни какъ не сочтутъ васъ за своего брата. Маскамъ вообще не вѣрятъ; а русскій человѣкъ, съ свойственною ему смѣтливостію, съ подозрительностію, порожденною въ немъ крѣпостнымъ правомъ, и съ здравымъ естественнымъ умомъ, будетъ на замаскированнаго дворянина смотрѣть какъ на незваннаго гостя, который хуже татарина, и сочтетъ это за штуку, изобрѣтенную дворянствомъ для возвращенія себѣ обманомъ правъ, утраченныхъ имъ чрезъ освобожденіе крѣпостныхъ людей. — Стоитъ себѣ представить приведеніе въ дѣйствіе приписки дворянъ къ волостямъ или мірскимъ обществамъ, и чувствуешь, что она невозможна. Эта мысль очевидно родилась вдали отъ дѣйствительнаго быта; она дѣлаетъ честь душѣ ея виновниковъ, но на практикѣ она совершенно не исполнима.

Какъ же намъ соединиться съ народомъ?

Откровенно, безъ всякаго притворства. не умаляясь, сохраняя то что̀ имѣемъ, пользуясь этимъ какъ можно полнѣе и разумнѣе, даже стараясь пріобрѣсти какъ можно болѣе новыхъ правъ и значенія; но всѣмъ этимъ пользоваться—не исключительно, незамкнуто-привилегированно, а съ приглашеніемъ къ себѣ всѣхъ желающихъ и могущихъ стать въ наши ряды.

Мы должны оставаться землевладѣльцами, дорожить этимъ званіемъ, смотрѣть на землю какъ на главный, самый существенный источникъ силы; но обязаны пріоб-

щать къ себѣ всякаго владѣющаго или пріобрѣтающаго извѣстный minimum земли на правахъ личной собственности. Такимъ образомъ, не мы пойдемъ въ чужое общество, а къ намъ придутъ; не мы будемъ умаляться, унижаться, а входящіе къ намъ будутъ стараться подниматься, возвышаться и, пріобрѣтеніемъ поземельной собственности, свѣдѣній, опытности и проч., достигать между нами бо̀льшего значенія. Общины необходимы, онѣ для нашего государства тоже что̀ баластъ для корабля — онѣ обеспечиваютъ ему устойчивость; въ нихъ разумный консерватизмъ; онѣ на всегда устраняютъ отъ насъ пролетаріатъ; онѣ — вѣрный, всегдашній пріютъ для огромной массы сельскаго населенія. Но люди сильные, богатые не могутъ и не должны оставаться въ общинѣ; они тамъ могутъ сдѣлаться или деспотами или жертвами общей зависти и недоброжелательства. Имъ долженъ быть открытъ выходъ изъ общины и входъ въ другое сельское сословіе. Принимая ихъ въ свои ряды, мы будемъ получать новыя, здоровыя силы изъ массы сельскаго населенія; чрезъ нихъ мы съ нимъ соединимся, устроимъ, поддержимъ, умножимъ наши связи съ самою крѣпкою, всего мѣнѣе испорченною частію нашего народа. Мы будемъ не замкнутымъ сословіемъ; не чрезъ чины— лѣстницу, по понятіямъ крестьянъ, для нихъ не доступную, — можно быть однимъ изъ насъ, но пріобрѣтеніемъ извѣстнаго количества земли. Это понятіе такъ сродно нашему сельскому населенію, это ему такъ необходимо, что, даже въ нынѣшнемъ году, приходили ко мнѣ богатые крестьяне и спрашивали, куда бы имъ приписаться: къ сельскимъ обществамъ — да чѣмъ же мы тамъ будемъ, — насъ заѣдятъ; въ мѣщане — въ городскіе обыватели — туда записываться намъ не приходится; нельзяли намъ оставаться такъ — самимъ по себѣ? Сословіе личныхъ землевладѣльцевъ должно образоваться, оно не бу-

детъ созданіемъ теоретическимъ, откуда-то заимствованнымъ; оно не отразимо требуется нуждами какъ дворянства, такъ и прочихъ землевладѣльцевъ, и потому оно быстро и естественно устроится. Оно будетъ сильно какъ потому, что въ его рукахъ сосредоточится всего болѣе земли и что оно будетъ имѣть по преимуществу средства къ образованію; такъ и потому, что оно будетъ въ себя принимать лучшихъ людей изъ окружающаго народонаселенія, что, чрезъ нихъ, оно съ нимъ свяжется, и, посредствомъ ихъ оно, наконецъ побѣдить то недовѣріе, которое народъ питаетъ къ помѣщикамъ, какъ къ сословію чиновному, какъ къ классу баръ, пользовавшихся такъ долго, почти безъ учета и ограниченія, трудомъ и личностію крѣпостныхъ людей.

Но какъ это исполнить?

Думаемъ, что сія задача менѣе трудна, чѣмъ съ перваго взгляда кажется. Не легко создавать, итти на перекоръ общимъ мнѣніямъ; но здѣсь все устроится естественно, само собою.

Во 1-хъ, необходимо *окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ посредствомъ выкупа.* Впрочемъ это дѣло, хотя конечно трудное, но неотложное, необходимое во всякомъ случаѣ, при всѣхъ возможныхъ разрѣшеніяхъ дворянскаго вопроса, а потому здѣсь мы не будемъ объ этомъ распространяться.

Во 2-хъ необходимо самому дворянству сдѣлать зачинъ дѣла о преобразованіи своего сословія. Для этого должно просить *о дозволеніи составить комитеты, въ губернскихъ городахъ, для пересмотра постановленій о дворянствѣ и для составленія предположеній, требуемыхъ нынѣшнимъ его положеніемъ.* Эти предположенія могутъ быть потомъ обсужены въ чрезвычайныхъ собраніяхъ дворянства и, чрезъ депутатовъ, на основаніи св. зак. т. III. ст. 113 и 114, представлены высшему правитель-

ству. Какъ дѣло въ началѣ чисто дворянское, какъ въ немъ одно сословіе отказывается отъ своего привилегированнаго положенія, и изъявляетъ готовность открыть свои пріемныя двери для лицъ всѣхъ прочихъ сословій, то такое дѣло можетъ быть по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, ведено правительствомъ совокупно съ депутатами одного дворянскаго сословія.

Тутъ предстоитъ Русскому дворянству совершить подвигъ великій: повинуясь не силѣ, не внѣшнимъ крайнимъ обстоятельствамъ, даже не указаніямъ свыше, сбоку или снизу; но, по собственному изволенію, руководствуясь яснымъ пониманіемъ своего прошедшаго и настоящаго, сознаніемъ общихъ современныхъ потребностей и своею любовію къ отечеству, дворянство должно отказаться отъ своихъ исключительныхъ преимуществъ, сойти съ піедестала привелегированнаго сословія и пригласить лицъ изъ другихъ сословій стать въ его ряды. Такимъ дѣйствіемъ мы не умалимъ себя, не сократимъ своихъ правъ, а ихъ расширимъ и пополнимъ; мы, и это всего важнѣе, пріобрѣтемъ твердую, дѣйствительную почву для своего существованія, и значеніе наше будетъ не то, которое мы доселѣ имѣли.

Въ 3-хъ тогда мы можемъ *составить настоящее, плотное окружное или уѣздное землевладѣльческое общество.* Интересы всѣхъ землевладѣльцовъ будутъ одни и тѣже, и, въ нашихъ собраніяхъ, мы можемъ искренно и дружно ихъ обсуживать. Остальное сельское населеніе будетъ къ намъ расположено не враждебно, а благосклонно; ибо ихъ родные, люди, къ которымъ они имѣютъ довѣріе и уваженіе, будутъ посреди насъ; къ тому же каждый изъ поселянъ можетъ, исполнивши извѣстныя условія, сѣсть посреди насъ. Тогда въ состояніи будутъ образоваться настоящія уѣздныя собранія, ибо, для обсужденія дѣлъ общихъ, касающихся не одного нашего земле-

владѣльческаго сословія, могутъ и должны быть призваны выборные и отъ крестьянскихъ обществъ и отъ городскихъ обывателей. Тогда мѣстная общественная жизнь разовьется не отрывочно, не одиночно, не наталкиваясь тутъ на подозрѣнія, тамъ на вражду, а при общемъ содѣйствіи, повсѣмѣстно, при благорасположеніи и довѣріи всѣхъ и каждаго.

При такомъ преобразованіи ни кто не потеряетъ, а всѣ выиграютъ.

Мы, дворяне, перестанемъ быть безсильными единицами, отрѣшенными членами великаго русскаго народа, заподозрѣннымъ простѣнкомъ между имъ и Царемъ; на насъ не будутъ болѣе смотрѣть какъ на чиновниковъ, какъ на чужеядовъ; наши собранія не станутъ являться народу сборищемъ людей, противъ него злоумышляющихъ, и мы сами, не стоя болѣе на ложной, несостоятельной почвѣ, не будемъ представлять зрѣлища неотраднаго, до селѣ обычнаго: много шума, да мала толка. Мы сдѣлаемся иными людьми. Въ сущности — мы люди русскіе; сверхъ того, по просвѣщенію, образованію и достаткамъ, мы стоимъ впереди и выше всѣхъ. Все зло насъ съѣдающее, заключается въ ложномъ нашемъ положеніи. Мы не аристократы, а корчимъ аристократовъ; мы не имѣемъ ни силы, ни значенія, которыя даетъ аристократія, а между тѣмъ несемъ всѣ невыгоды, всѣ тяжести, съ нею сопряженныя. Это извращаетъ наши понятія, даетъ ложное направленіе нашимъ дѣйствіямъ; это производитъ то странное явленіе, что каждый изъ насъ по одиночкѣ лучше, чѣмъ мы всѣ вмѣстѣ. Замѣчательно, что міръ (крестьянскій) умнѣе и добрѣе крестьянина, взятаго отдѣльно, а у насъ на оборотъ. Впрочемъ это вполнѣ естественно, такъ это и должно быть въ томъ и въ другомъ случаѣ. Егоистическіе порывы крестьянъ

взаимно умѣряются, умъ одного пополняетъ умъ другаго, и какъ они стоятъ на своей собственной почвѣ, то ихъ приговоры и дѣйствія выходятъ разумнѣе, чѣмъ мнѣнія и поступки одиночные. — Мы напротивъ того, въ дворянскомъ собраніи, сдвигаемся съ своего настоящаго общечеловѣческаго основанія; мы мнимъ быть особенными какими-то людьми, обманываемъ себя насчетъ значенія нашего сословія; заявляемъ постоянно претензіи; и остаемся не при чемъ. Довольно бывали мы на выборахъ, но почти никогда не случалось намъ видѣть дворянина довольнаго дѣйствіемъ окончившагося собранія. Это одно уже доказываетъ что мы сѣли не въ свои сани. При предлогаемомъ преобразованіи, мы сдѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы быть должны: по землевладѣнію, по просвѣщенію, по вліянію на мѣстное и общее управленіе, мы станемъ во главѣ народа; потому что и онъ и правительство будутъ имѣть въ насъ равную нужду; мы будемъ между ними не простѣнкомъ, а посредникомъ: народъ будетъ радоваться нашему значенію, ибо посредствомъ его мы будемъ въ состояніи за него ходатайствовать съ успѣхомъ; правительство будетъ къ намъ благоволить, насъ цѣнить и уважать, потому что чрезъ насъ оно будетъ дѣйствовать на остальное народонаселеніе.

Крестьяне хотя многочисленны и сильны, но они никогда не могутъ стать на степень первенствующаго сословія въ государствѣ. Его отношенія къ правительству должны остаться на всегда посредственныя. Не въ барышахъ будутъ крестьяне, если, между ними и властію, станутъ чиновники. Самымъ естественнымъ, самымъ удобнымъ и всего болѣе благорасположеннымъ посредникомъ для нихъ могутъ быть лучшіе люди изъ сельскаго населенія, т. е. землевладѣльцы. А таковыми будутъ не одни дворяне, не такое сословіе, въ которое чтобы вступить надобно пройти чрезъ лѣстницу чиновъ, т. е. полнаго

отчужденія отъ крестьянскаго быта, а лица посреди ихъ живущія, имѣющія съ ними всякаго рода связи, и отчасти еще вчера бывшія сочленами ихъ мірскихъ обществъ. Сословіе землевладѣльцевъ еще необходимѣе для крестьянъ, чѣмъ даже само для себя; люди богатые, образованные всегда и вездѣ будутъ имѣть свое личное значеніе. Крестьяне по мимо землевладѣльцовъ не могутъ найти лучшихъ представителей, защитниковъ, учителей, общихъ распорядителей, высшихъ судей. *)

При упомянутомъ преобразованіи, правительство не только не утратитъ своей силы, а напротивъ того, его могущество усилится и укрѣпится. Теперь оно насылаетъ указы и предписанія; но, нельзя не сознаться, что они плохо или вовсе не исполняются. Теперь каждый становой, каждый исправникъ всемогущъ, и они знать не хотятъ законовъ, а если и знаютъ, то думаютъ только объ одномъ, какъ бы извлечь изъ нихъ свою выгоду, какъ бы обойти ихъ, какъ бы сдѣлать изъ нихъ обоюдоострое оружіе, поражающее поперемѣнно и тою и другою стороною. Произволъ чиновниковъ не имѣетъ границъ, и надзорщики, ревизоры видятъ безпорядки; добросовѣстные изъ нихъ преслѣдуютъ ихъ, но съ отчаяніемъ видятъ, что каждое прекращенное злоупотребленіе возраждается сторицею. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, при отсутствіи и не-

---

*) Это очевидно для каждаго порядочнаго помѣщика, живущаго въ деревнѣ: сторонніе крестьяне помѣщичьи и въ особенности изъ государственныхъ имуществъ, безпрестанно приходятъ за совѣтами или ради защиты, или на безпристрастный судъ помѣщика. Мировые судьи постоянно слышатъ отъ крестьянъ: нѣтъ, батюшка, ты насъ разсуди, а въ волостномъ (судѣ) мы правды не добьемся. До селѣ наше вліяніе было порализовано прежде крѣпостнымъ правомъ, а теперь еще неразрѣшеннымъ крестьянскимъ вопросомъ. По устраненіи сей послѣдней помѣхи, наше положеніе въ деревняхъ будетъ несравненно лучше.

возможности мѣстной общественной жизни, зло не сокрушимо и даже не сократимо. Совершенно иное дѣло будетъ, когда сельскій бытъ устроится правильно, естественно, крѣпко; при развитіи мѣстной общественной жизни, мѣстнаго общественнаго мнѣнія и надзора, правительство будетъ больше и вѣрнѣе знать; и слѣдовательно будетъ имѣть возможность лучше приказывать. За него будутъ смотрѣть и наблюдать тысячи глазъ неподкупныхъ, и произволъ мѣстныхъ властей будетъ поставленъ въ границы, высшею властію указанныя. Тогда, но только тогда явится и общественная нравственность; явятся тогда и люди, и жалобы на недостатокъ въ оныхъ останутся лишь какъ воспоминаніе о прежнихъ временахъ. Нѣтъ! люди у насъ есть, но теперь они скрываются, какъ деньги во время финансоваго кризиса. При гармоніи сельскаго быта, при соединеніи землевладѣльцевъ и крестьянъ, правительство будетъ сильнѣе, ибо въ нихъ оно найдетъ опору нераздвоенную, не враждующую между собою, а прочную, коей цѣлью и главнымъ желаніемъ не можетъ не быть охраненіе общаго спокойствія и порядка; ибо консерватизмъ есть необходимая принадлежность землевладѣльца и земледѣльца. Правило: Divide et impera никогда не было у насъ вѣрно; да и въ остальной Европѣ, оно теперь схоронено подъ развалинами отшедшаго и отходящаго порядка вещей. Чѣмъ сильнѣе будетъ у насъ развиваться мѣстная жизнь, общественная дѣятельность, тѣмъ могущественнѣе будетъ власть центральная. Теперь ей приходится развлекаться мелкими разрѣшеніями, преслѣдовать всюда укоренившіяся злоупотребленія, укрощать однихъ, сдерживать другихъ и неудовлетворять никого. Тогда оно можетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ, изъ центра, съ высоты своего величія, направляя всѣ части къ достиженію одной общей цѣли — блага нашего отечества. Тогда и время и свѣдѣнія вѣрныя, многосторон-

нія будутъ въ его распоряженіи; тогда оно будетъ болѣе чѣмъ когда либо въ состояніи соображать, ѣто нужно для Россіи вообще или для нѣкоторыхъ частей ея, приказывать удобоисполнимое и карать за ослушанія. Тогда общее благосостояніе, народное богатство, просвѣщеніе и гражданская нравственность разовьются быстро и сильно, удесятерятъ силы правительства и возведутъ Россію на степень первенствующей державы, чѣмъ она быть предназначена.

Но чѣмъ же будутъ дворяне-не землевладѣльцы? Они будутъ горожанами. При перестройкѣ сельскаго быта потребуется передѣлка и городскаго быта; эта потребность давно и вездѣ ощущается, а въ Петербургѣ уже положено начало такому преобразованію. Тамъ дума уже не купеческая и мѣщанская, а составлена изъ обывателей всѣхъ сословій.

Но неужели мы, дворяне, ограничимъ кругъ нашей дѣятельности уѣздомъ или городомъ, въ которомъ мы живемъ, и удовольствуемся тѣми правами, которыми будутъ пользоваться всѣ землевладѣльцы и городскіе обыватели?

И да и нѣтъ. Не тѣсенъ кругъ дѣятельности и землевладѣльца и горожанина. Онъ упругъ: по мѣрѣ развитія нашихъ дѣйствій и среды, въ которой мы будемъ жить, онъ будетъ все болѣе и болѣе разширяться. Но не желающій жить въ деревнѣ или оставаться просто горожаниномъ, можетъ поступать на службу государственную, посвящать себя наукамъ, художествамъ и пр. Всѣ эти поприща остаются для насъ открытыми. Правительство имѣетъ надобность въ дѣятелямъ; какъ преж-

де, такъ и впредь мы будемъ доставлять ему всего болѣе людей. И по образованію и по положенію и по средствамъ, мы всѣхъ способнѣе принимать участіе въ общемъ государственномъ управленіи; это за нами и останется. Предполагаемое преобразованіе въ этомъ отношеніи никакого ущерба намъ не причинитъ, и мы все таки будемъ первыми слугами нашего отечества.

Еще многое, весьма многое слѣдовало бы сказать по поводу вопросовъ, нами затронутыхъ; еще гораздо болѣе нужно бы было изложить по вопросамъ важнымъ, нами и не постановленнымъ; но все это оставляется до инаго раза: выскажутся другія мысли, явятся возраженія, сомнѣнія, опроверженія, и тогда дѣло разъясняется и многостороннѣе и очевиднѣе.

8 Декабря 1861.

Дворянское дѣло.

(Изъ газеты „День“ NN. 8 и 9).

Статьи И. С. Аксакова.

I.

Такъ называемое *крестьянское дѣло* есть въ тоже время *дворянское дѣло:* оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣковаго подножія. Едва ли движеніе однаго не находится въ обратномъ отношеніи къ движенію другаго, — но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что все наше дворянство чувствуетъ въ настоящую минуту невольную потребность отдать себѣ отчетъ въ своемъ современномъ призваніи и значеніи. Казалось бы, уступка крестьянамъ части земли и права на личную свободу — не должна была бы произвести существенной перемѣны въ быту и общественномъ положеніи помѣщичьяго сословія, — точно также, какъ произведенный правительствомъ въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ странахъ западной Европы, выкупъ крестьянскихъ повинностей помѣщику, — нисколько не измѣнилъ и даже въ нѣкоторой степени возвысилъ и очистилъ значеніе сословія Нѣмецкихъ высокородныхъ, высокоблагородныхъ и просто благородныхъ (Hochgeboren, Hochwohlgeboren, Wohlgeboren). Во всякомъ случаѣ дворянство на Западѣ, въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ, вовсе не задавало себѣ тѣхъ тревож-

ныхъ вопросовъ о своей судьбѣ, какими смущается теперь дворянство у насъ въ Россіи. Почему же это такъ? Какая тѣсная связь существуетъ между крѣпостнымъ правомъ и сословнымъ значеніемъ дворянства? Отчего могъ родиться самый вопросъ — что̀ такое Русское дворянство въ настоящее время? и что̀ же такое, въ самомъ дѣлѣ, теперь — Русское дворянство?

Намъ кажется, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо для нашего общественнаго сознанія, особенно въ настоящую минуту, въ виду дворянскихъ съѣздовъ и выборовъ, открытыхъ, открываемыхъ и имѣющихъ открыться, въ непродолжительномъ времени, въ разныхъ губерніяхъ Россіи и у насъ въ Москвѣ.

Отвѣты на эти вопросы можетъ дать только исторія, и потому, не вдаваясь въ подробности, постараемся представить въ общихъ чертахъ, какъ можно яснѣе и проще, историческій ходъ дворянскаго учрежденія въ Россіи.

Въ Россіи, — это уже неоднократно было замѣчено, — не было завоеванія, какъ въ западной Европѣ, не было ни завоевателей, ни завоеванныхъ, ни феодаловъ, ни вассаловъ, вообще никакихъ тѣхъ сословныхъ стихій, какія существовали и еще существуютъ на Западѣ. Люди въ Россіи дѣлились не столько по *происхожденію*, сколько по *наслѣдственному роду занятій*, и эта черта проходитъ сквозь всю нашу исторію, до настоящаго времени. Даже въ современномъ уставѣ о податяхъ, мы видимъ, что подлежатъ запискѣ въ ревизію 100 (или даже болѣе) разрядовъ людей, и каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свои права и обязанности. Всякой согласится, что *сословіями*, въ смыслѣ западномъ, ихъ назвать нельзя, хотя мы и говоримъ: сословіе ямщиковъ, лашмановъ, горнозаводскихъ крестьянъ, наборщиковъ Московской университетской типографіи, служителей архіерейскихъ домовъ, и т. д. Очевидно, что главнымъ основаніемъ дѣленію слу-

житъ *родъ и видъ занятій,* сопряженный съ элементомъ наслѣдственности, занятій, свободно и естественно передаваемыхъ отъ отца къ сыну. При этомъ однакоже ничего похожаго на касту не было, потому что перемѣна занятій была доступна для каждаго.

Народъ и дружина, служилое и земское сословія — вотъ главное дѣленіе Русскаго населенія въ древней Руси, и въ основаніи этого дѣленія лежало тоже начало, т. е. *родъ занятій,* а также и *отношеніе ихъ къ государству.* Служилое сословіе служило непосредственно государственной власти; его занятіе было — служебное ремесло. Земля также тянула тягло въ отношеніи къ государству, служа ему платою податей, поставкою войска и работою на служилыхъ людей. Ея занятіе было: воздѣлываніе земли, промыслы и торговля.

Мы не входимъ здѣсь въ изслѣдованіе о происхожденіи дружины: составилась ли она изъ пришлецовъ или изъ туземныхъ, выдѣлившихся родовъ, — но дѣло въ томъ, что когда сложился государственно-гражданскій строй Россіи, выступило ярко и это разграниченіе двухъ сословій: служилаго и земскаго. Земля жила обычаемъ, подъ закономъ общиннаго быта и общиннаго поземельнаго владѣнія; служилые люди не составляли общины, не знали общиннаго быта и общиннаго владѣнія: дѣятельность ихъ блага *личная,* равно какъ и отношеніе къ власти; землю получали они отъ государя, *за службу и вмѣсто жалованья,* въ личное пользованіе и владѣніе, въ пожизненное или потомственное, въ помѣстье или вотчину. Въ предѣлахъ служилаго сословія были разныя степени, или своего рода чины, обусловливавшіе и различный видъ службы: жильцы, дѣти боярскіе, дворяне, и другіе; эти чины не передавались наслѣдственно, и сынъ боярина не былъ бояриномъ, но оставаясь въ служиломъ сословіи, спускался на нѣсколько ступеней ниже: то-есть служилое

званіе, или вѣрнѣе, принадлежность къ служилому сословію всегда удерживалась въ потомствѣ и была наслѣдственною, — сначала по обычаю, а потомъ и по закону. — Служилый человѣкъ по этому самому, по унаслѣдованному имъ роду занятій и обязанностей, весь принадлежалъ государству, и, включенный въ списки, состоялъ въ его полномъ распоряженіи (en disponibilité), былъ, такъ сказать, на службѣ отъ рожденія до смерти.

Несмотря однако на эту наслѣдственность правъ и обязанностей, служилое сословіе не носило въ себѣ никакой аристократической стихіи. Это всего лучше доказывается *мѣстничествомъ,* страннымъ учрежденіемъ, которое имѣло для служилаго сословія значеніе связующаго и сплачивающаго (по замѣчанію Хомякова) цемента. Дѣйствительно, сословіе, котораго все значеніе заключалось въ *наслѣдственной службѣ,* должно было необходимо вести счеты и разсчеты своимъ служебнымъ трудамъ, потому что на нихъ единственно и основывались ихъ права и преимущества, объемъ ихъ власти и участія въ государственной дѣятельности. Честь полагалась *не въ древности рода,* хотя и къ ней не были нечувствительны наши предки, но въ *службѣ* предковъ,—и потомокъ Рюрика (слѣдовательно безукоризненный *аристократъ* съ точки зрѣнія западной) уступалъ Салтыкову или Бутурлину, человѣку не столь древняго происхожденія, но котораго дѣдъ или отецъ исполнялъ служебное дѣло, высшее по значенію, нежели дѣдъ и отецъ Рюриковича. Понятно, что начало наслѣдственности и преданія, взявши силу и породивъ мѣстничество, естественнымъ ходомъ вещей и властію обычая, преградило вступленіе въ служилое состояніе лицамъ новымъ, изъ сословій земскихъ, которыя не могли опираться на заслуги предковъ, — и, дѣйствительно, кромѣ Минина, включеннаго въ служилое сословіе съ чиномъ думнаго дворянства, мы другихъ примѣровъ и не припомнимъ.

Первою, значительною реформою въ исторіи этого сословія — было уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, уничтоженіе разрядныхъ книгъ, и учрежденіе бархатной книги, въ которую записаны были всѣ древніе роды служилаго сословія, но уже не на основаніи службы предковъ, а на *основаніи родословномъ*. Мы думаемъ, что такого рода учрежденіе, возникшее отчасти подъ вліяніемъ Польши и выдвигавшее вчередъ *древность* рода и начало генеалогическое, можетъ быть и положило бы у насъ основаніе аристократіи, которой главнымъ преимуществомъ была бы служба, т. е. участіе въ дѣлахъ государственныхъ, — еслибъ принципъ аристократическій не былъ противенъ нашимъ коореннымъ народнымъ началамъ. Исторія обличила несостоятельность такой попытки. Скоро, въ лицѣ Петра, эта попытка образовать аристократію въ Россіи — была сокрушена смертельнымъ ударомъ.

Табель о рангахъ, не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, сдѣлала всякую аристократію въ Россіи невозможною. Выдвинувъ опять на первый планъ не происхожденіе, а дѣйстительную службу, она—исключительную привилегію дворянства, службу, участіе въ дѣлахъ государственныхъ и достиженіе высшихъ государственныхъ званій и почестей — сдѣлала доступными для всѣхъ сословій безъ исключенія, проводя ихъ по лѣстницѣ нѣмецкихъ чиновъ или ранговъ. Еслибы чинъ означалъ только *должность* и не давалъ правъ дворянскихъ, то дворянство могло бы еще не смѣшиваться съ постоянно прибывавшими во множествѣ служилыми людьми не дворянскаго происхожденія. Такъ въ Германіи, до сихъ поръ, даже высокой чинъ, сколько мы знаемъ, не вездѣ даетъ право владѣть имѣніемъ Rittergut, — но въ Россіи этого различія никогда установлено не было, и чинъ или рангъ получилъ у насъ сословное значеніе: та-

кимъ образомъ табель разрушала въ существѣ родословный или аристократическій характеръ дворянства. Воспоминанія о древности своего служилаго рода были празднымъ утѣшеніемъ потомку древнихъ бояръ, сидѣвшему рядомъ въ совѣтѣ съ пирожникомъ Меншиковымъ (таково преданіе), съ нѣмецкимъ солдатомъ Минихомъ, съ нѣмецкимъ пасторскимъ сыномъ Остерманомъ, и со вмѣми тѣми, которыхъ заслуги или милость царская возвели на высшія ступени государственной службы.

Мы забыли сказать, что видовое названіе *дворянъ*, означавшее прежде *должность* мало по малу, силою обычая, перешло на все старое служилое сословіе, которое въ первое время Петръ окрестилъ было названіемъ шляхетскаго. Названіе не удержалось, и очевидно, что онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ значеніи этого сословія. Первые преемники его пытались сдѣлать изъ служилаго сословія шляхетство или нѣмецкую аристократію, думая согласить это начало съ табелью о рангахъ, но попытки ихъ были неудачны; вспомнимъ хоть учрежденіе майоратовъ, въ послѣдствіи отмѣненное.

Итакъ, что же представляется намъ въ Россіи со введеніемъ табели о рангахъ? Мы видимъ потомковъ древняго служилаго сословія, записаннаго въ книгѣ древнихъ родовъ, — съ непремѣнною *обязанностью*, но не съ исключительнымъ *правомъ службы*. Сохраняя свое служилое значеніе, но безъ всякого прежняго вліянія на него, службы предковъ и древности рода, — они утратили всякое родовое, генеалогическое или аристократическое значеніе, безразлично смѣшиваясь съ новопроизведенными военными и гражданскими офицерами, самаго незнатнаго происхожденія, нерѣдко изъ крестьянъ и бывшихъ холоповъ. Эти послѣдніе не могли гордиться ни древностью рода, ни службою предковъ, но были во всемъ равны, а нерѣдко имѣли и преимущество надъ чиновни-

ками и офицерами изъ древняго служилаго сословія. И тѣ и другіе владѣли крестьянами, и на тѣхъ и на другихъ работали крестьяне, видя въ нихъ людей служилыхъ, независимо отъ происхожденія, и продолжая считать, по до-Петровскому обычаю, свою работу жалованьемъ, даннымъ помѣщикамъ отъ царя за службу. — Теперь ясно, что изъ этихъ элементовъ не могло образоваться никакой аристократіи, — но тогда это еще не всѣмъ было ясно.

Самый гибельный ударъ нанесенъ дворянству, какъ сословію, тѣмъ распоряженіемъ, которому дворяне радовались тогда наиболѣе, — именно указомъ Петра III о вольности дворянства, т. е. о правѣ дворянъ не служить. Древняя дружина была наконецъ распущена, и такимъ образомъ сокрушено было историческое основаніе дворянскаго сословія, именно его служилое призваніе и значеніе; (родовое, аристократическое значеніе было еще прежде сокрушено табелью о рангахъ). Изъ превосходнаго изслѣдованія г. И. Д. Бѣляева („Крестьяне на Руси") можно видѣть, что этотъ указъ о необязательности службы для помѣщиковъ — породилъ волненія между крестьянами, вообразившими, что, вмѣстѣ съ службой дворянъ государству, кончалась и ихъ служба дворянству, имѣвшая одно общее историческое основаніе.

Вслѣдъ за Петромъ III, Екатерина, подтвердивъ указъ о вольности дворянской, собрала распущенную дружину и связала ее узами привилегированной сословности. Тѣмъ не менѣе ея знаменитая грамота не могла создатъ Русской аристократіи.

Если аристократію полагать въ *древности рода*, то ни графъ Разумовскій, ни всѣ тѣ, которымъ фаворитизмъ давалъ чины и титулы, не могли бы принадлежать къ сословію дворянскому... Но такое распоряженіе (относительно древности рода) не только не было возможно

послѣ пролома, произведеннаго табелью о рангахъ, но едва ли, даже и заявлялось въ то время, кѣмъ либо изъ дворянъ, какъ требованіе: до такой степени это не въ нашихъ нравахъ, что не смотря на всю нашу подражательность, умъ и талантъ не подлежали и не подлежатъ у насъ той сословной оцѣнкѣ, какая существовала и существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на западѣ. Вопроса о томъ, напримѣръ, tafelfähig ли, т. е. имѣетъ ли „право, способность“ обѣдать за придворнымъ столомъ сынъ сельскаго священника, государственный министръ Сперанскій, у насъ никогда бы и возникнуть не могло, тогда какъ въ Германіи, напр. въ Ганноверѣ, только считающій 40 поколѣній генеалогической линіи — владѣетъ способностью и правомъ быть принятымъ ко двору; у насъ теперь никому и въ голову не приходитъ, чтобы недоученный Рюриковичъ имѣлъ болѣе правъ на службѣ, чѣмъ ученый кандидатъ университета, хотя бы происходившій изъ бывшаго крѣпостнаго сословія, и т. п.

Далѣе: если аристократію полагать, — какъ между прочимъ въ Англіи, — въ правѣ и обязанности непосредственнаго, *по рожденію,* участія въ дѣлахъ государственныхъ, то *отмѣна обязанности служить,* которой такъ обрадовались дворяне, дѣлала и это основаніе невозможнымъ.

Оставалось только дать, безъ особеннаго основанія, привилегіи дворянскому сословію; онѣ и были даны, но конечно не однимъ древнимъ родамъ, уже заслоненнымъ новыми, а древнямъ родамъ и чинамъ, дававшимъ дворянское достоинство. Такимъ способомъ образовалось у насъ пожалованіе *потомственнаго* дворянства — въ смыслѣ обратномъ и, какъ намъ кажется, нѣсколько неправильномъ относительно языка, т. е. не въ томъ смыслѣ, что слово „потомственный дворянинъ“ означаетъ потомка дворянъ, а въ томъ, что будущіе потомки новопожалованнаго дворя-

нина дѣлаются дворянами. — Доступъ въ дворянское сословіе былъ по прежнему открытъ каждому, по лѣстницѣ ранговъ.

И такъ *только привилегіи* давали дворянству тотъ сословный характеръ, которое оно имѣло въ древности, какъ служилое и какъ родовое, и которое утратило съ табелью о рангахъ и съ указомъ о вольности дворянства.

Главнѣйшею и существеннѣйшею *привилегіею* было— крѣпостное право, право владѣть землями населенными, личностью и трудомъ крестьянскимъ. Крестьяне продолжали по прежнему, по стародавнему, тянуть тягло, платить подати государству и отбывать повинности помѣщикамъ, — но сами помѣщики были уже иные, не служилые люди и не всѣ древняго служилаго происхожденія. Всякой оберъ-офицеръ дѣлался столбовымъ дворяниномъ, назывался благороднымъ, (т. е. если понимать буквально, ему жаловались благородные предки), а потому могъ быть и помѣщикомъ.

Такъ, съ разными неважными измѣненіями продолжалось и до нашего времени.

19 Февраля 1861 года уничтожило на вѣки вѣковъ крѣпостное право, а съ нимъ и существеннѣйшій признакъ дворянскаго достоинства, т. е. привилегію. — Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ de facto и de jure отличается теперь дворяиинъ отъ прочихъ сословій? Населенными землями, по окончаніи выкупа, будутъ имѣть право владѣть и купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ, вѣроятно, когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства — пользуются и купцы, — да эта повинность можетъ статься будетъ также переогранизована правительствомъ. Избавленіе отъ платежа податей, вѣроятно, не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога. Что же остается? Право службы? оно, еще со временъ Пет-

ра I-го, предоставлено всѣмъ. Древность происхожденія? Но какъ опредѣлить ее? Если считать древнимъ родъ — хотя бы только столѣтній, то значительную часть дворянъ пришлось бы исключить изъ дворянскаго сословія! Поземельное владѣніе? но это право принадлежитъ въ Русской землѣ всѣмъ. Богатство? Оно на сторонѣ купцовъ, капиталистовъ-торговцевъ, но не дворянства....

Что же дѣлать, какъ быть?

Очевидно, что объемъ и опредѣленіе земства въ настоящее время расширилось. Распущенная дружина обращается домой, въ земство, и вноситъ въ него новые элементы. Въ земствѣ, мы видимъ, или скоро увидимъ, два начала, двѣ бытовыя стихіи: начало общины и начало личности, начало общиннаго поземельнаго владѣнія, и начало личнаго поземельнаго владѣнія, общинниковъ-крестьянъ и личныхъ землевладѣльцевъ, большинство которыхъ едва ли не исключительно составляютъ теперешніе дворяне. Другихъ дѣленій намъ не предвидится. Взаимный союзъ этихъ двухъ стихій, чуждыхъ замкнутости, исключающій взаимную односторонность; ихъ искреннее сближеніе и дружное дѣйствіе; сближеніе, не внѣшнее только, но и нравственное, въ области историческихъ и духовныхъ общенародныхъ началъ, могли бы служить, кажется намъ, залогами богатаго будущаго развитія...

Но это въ будущемъ. А что предстоитъ дѣлать теперь, съ сохраненіемъ вѣрности народнымъ историческимъ началамъ, о томъ мы отложимъ бесѣду до слѣдующаго раза.

2 Декабря 1861.

II.

Въ послѣдней статьѣ нашей, мы, кажется, показали довольно ясно, что дворянство, какъ сословіе, утратило, по нашему убѣжденію, прежнюю общественную и историческую почву: корни, связывавшіе его съ почвой, съ теченіемъ времени, порвались одинъ за другимъ, и наконецъ, въ нынѣшнемъ году, окончательно порвался и послѣдній: мы говоримъ здѣсь объ *остальномъ* значеніи дворянства, какъ сословія привилегированнаго, т. е. владѣющаго крестьянами на крѣпостномъ правѣ. Мы уважаемъ и любимъ историческое преданіе, но, тѣмъ не менѣе, признаемъ вполнѣ разумность такого историческаго рѣшенія, и не думаемъ, чтобы кто-либо изъ просвѣщенныхъ дворянъ Русскихъ способенъ еще былъ мечтать о возвращеніи невозвратно-потеряннаго, или предаваться празднымъ сожалѣніямъ и чувству безсильной досады. Мы не говоримъ здѣсь о дворянахъ Остзейскихъ: они — дѣло другое; у насъ съ ними разныя историческія начала, а потому и разные выводы; они подлежатъ дѣйствію своей исторической логики, которая не замедлитъ оказать свою силу и надъ потомками гордыхъ завоевателей-крестоносцевъ! Но мы, Русскіе, вполнѣ понимаемъ, что образовательный процессъ Русскаго государственнаго и гражданскаго строя, не только еще не окончился вполнѣ, но во очію совершается и переживается нами, и что намъ остается только стать въ уровень съ требованіями исторіи и уразумѣть, по возможности, самый смыслъ этихъ требованій. Однимъ словомъ, дворянамъ необходимо опредѣлить себѣ самимъ, ч т о о н и т а к о е, и ч ѣ м ъ м о г у т ъ б ы т ь, пристроить себя, отыскать себѣ почву и фундаментъ общественный.

На этомъ основанiи, мы смѣемъ полагать, что всѣ вопросы, разсужденiя и соображенiя, *внѣ* этой главной задачи, не только преждевременны, но не могутъ быть, даже въ теорiи, ни правильно поставлены, ни правильно разрѣшены. Нѣтъ ничего вреднѣе въ общественномъ важномъ дѣлѣ, какъ неопредѣленное выраженiе неопредѣленныхъ желанiй, которыхъ практическую, немедленно примѣнимую къ жизни сторону уловить невозможно, и которымъ суждено по этому оставаться праздными, блестящими фразами, лишенными всякого жизненнаго содержанiя и не приводящими ни къ какому существенному результату. Теоретическая постановка и уясненiе началъ и вопросовъ совершаются при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, въ средѣ литературной или общественной; но когда вы обращаетесь къ той средѣ, которая призвана давать вашему предположенiю внѣшнюю форму и полновѣсное значенiе положительнаго явленiя, вы ставите ее, эту среду, въ сильное затрудненiе, если сами не уяснили себѣ вполнѣ вашей собственной мысли, или не указываете ни средствъ, ни практическаго пути для ея осуществленiя.

Такъ на примѣръ, мы считаемъ совершенно безсильнымъ и празднымъ требованiе, заявленное, года три тому назадъ, на дворянскихъ выборахъ въ нѣкоторыхъ губернiяхъ: о перемѣнѣ судопроизводства, о введенiи суда присяжныхъ и т. п. Недостаточно сказать; это слѣдуетъ перемѣнить, это слѣдуетъ ввести: укажите — *какъ* перемѣнить и *какъ* ввести. А именно, нигдѣ это слово *какъ* — такъ не важно, какъ въ вопросѣ о судопроизводствѣ: въ этомъ-то и состоитъ вся задача. Не знаемъ, отдавали ли себѣ сами дворяне ясный отчетъ въ томъ: желаютъ ли они, на примѣръ, процесса обвинительнаго или слѣдственнаго? вполнѣ ли примѣнимъ къ нашимъ нравамъ первый? не нужно ли подумать о другихъ формахъ про-

цесса? можетъ ли Франція, наслѣдница Римскаго міра, служить намъ, въ этомъ отношеніи, образцомъ? и т. д. — Не знаемъ, понимали ли они сами, что ихъ собственное требованіе предполагаетъ народъ и общество какою-то tabula rasa, бѣлой бумагой, на которой они сами приглашаютъ законодателя писать — что̀ угодно и какъ угодно! Понимали ли они, что судопроизводство, одно изъ важнѣйшихъ отправленій государственнаго организма, такъ тѣсно связано со всѣмъ общественнымъ бытомъ, — что не можетъ быть сочинено вдругъ, особенно въ Россіи, безъ предварительнаго изученія народныхъ юридическихъ понятій и требованій, какою-нибудь коммиссіею экспертовъ или ученыхъ докторовъ Римскаго права! Всѣ эти вопросы едва ли приходили на умъ предъявлявшимъ такія желанія . . .

Мы привели этотъ примѣръ для того, чтобы показать, во 1-хъ, всю неосновательность заявленія подобныхъ неопредѣленныхъ требованій, и во 2-хъ, всю несостоятельность такихъ требованій въ настоящее время, когда вопросъ крестьянскій еще не вполнѣ поконченъ, и мы, дворяне, сами еще не знаемъ что̀ мы такое! Эта несостоятельность становится еще очевиднѣе, когда дѣло идетъ о припискѣ къ волостямъ или о примѣненіи выборнаго начала къ контролю земскихъ повинностей. (Оба эти вопроса возбуждены въ нашей литературѣ, а послѣдній возникъ отчасти вслѣдствіе обнародованнаго правительствомъ и предложеннаго имъ на общее обсужденіе доклада коммиссіи, учрежденной для пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ). Разсмотримъ дѣло поближе. Дворянство, утративъ свое существенное сословное право, сохраняетъ однакоже ту внѣшнюю обстановку сословности, которая все еще можетъ разобщить дворянство и низшія сословія, и положить между ними преграду недовѣрія и взаимнаго непониманія. Какіе глубокіе корни пустило недовѣріе

крестьянъ къ помѣщикамъ, о томъ единогласно свидѣтельствуютъ отзывы самихъ помѣщиковъ изо всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Мы сказали выше въ нашей первой статьѣ, что служилое сословіе распущено и возвращается въ земство, — но мы должны прибавить, что такому возвращенію еще мѣшаютъ разныя путы, какіе-то призраки прежней исключительной сословности, за которые дворянство, въ невѣденіи своихъ собственныхъ выгодъ, все еще держится крѣпко. Потерявъ прежнюю почву, оно еще не стало на новую, и находится теперь въ какомъ-то странномъ, уединенномъ или изолированномъ положеніи. Мы убѣждены, что приписка дворянина, какъ *дворянина,* къ волости невозможна, — или, по крайней мѣрѣ, будетъ явленіемъ насильственнымъ, искуственнымъ, и нисколько не плодотворнымъ, — и что точно также безполезно было бы *теперь* соединеніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій для контроля земскихъ повинностей, пока еще не рѣшенъ самый вопросъ *о сословіяхъ,* пока крестьяне и помѣщики не развяжутся между собою, пока раздѣляютъ ихъ преданія о полноправности одного и о безправіи другаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, прежнія основанія поколеблены, новыя еще не опредѣлились и не сознаны, духъ сословный еще продолжаетъ витать въ дворянствѣ, и нашему общественному организму недостаетъ той органической, нравственной и духовной цѣльности, которую не въ силахъ замѣнить никакія искуственныя связи.

Прежде, чѣмъ строить зданіе, необходимо подвести прочный фундаментъ, — иначе зданіе обрушится безобразною грудою камней и мусору. Къ ветхой изношенной одеждѣ не пришиваютъ заплаты: ветхая одежда разлезется врозь и ея не удержитъ. Толковать теперь о соединеніи выборныхъ для всѣхъ сословій, припискѣ къ волостямъ и тому подобномъ, мы считаемъ тѣмъ же, что

строить зданіе безъ фундамента, или пришивать заплаты къ ветхому рубищу.

Поймемъ же, что намъ прежде всего слѣдуетъ скинуть съ себя ту ветхую одёжу, къ которой не пришьешь никакого лоскута свѣжей, здоровой матеріи! займемся возведеніемъ самого фундамента . . .

Мы полагаемъ, что Русскимъ дворянамъ необходимо было бы, во 1-хъ, вникнуть въ историческій ходъ дворянскаго учрежденія, и проникнуться сознаніемъ, что дальнѣйшее существованіе дворянскаго сословія, какъ сословія, на прежнихъ основаніяхъ, послѣ великаго дѣла 19 Февраля 1861 года, невозможно; во 2-хъ, отрѣшиться отъ прежнихъ воспоминаній, безплодныхъ сожалѣній и отъ всякаго духа сословной гордости и исключитеьности; въ 3-хъ, устранить всѣ перегородки, которыя отдѣляютъ его отъ народа, какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ; въ 4-хъ опредѣлить свои отношенія къ прочимъ сословіямъ.

Таковы общія начала. Ближайшею же заботою дворянства должно быть примѣненіе къ Положенію 19 Февраля Устава о выборахъ и Дворянской Грамоты, т. е. III и IX тома Свода Законовъ. Необходимость такого примѣненія очевидна, даже и при сохраненіи начала сословности: прежде основаніе праву голоса на дворянскихъ выборахъ лежало въ привилегіи крѣпостнаго права, въ извѣстномъ числѣ душъ, которыми владѣлъ помѣщикъ; но теперь это основаніе, съ Манифестомъ 19 Февраля, уже не можетъ имѣть никакой силы. — Дворянство Самарской губерніи, въ началѣ нынѣшняго года, уже испросило себѣ дозволеніе на пересмотръ Устава о выборахъ, и объ этомъ дозволеніи было напечатано во всѣхъ нашихъ газетахъ. Но Самарское дворянство, сколько мы знаемъ, только предъявило желаніе, но не уяснило себѣ, какъ воспользоваться разрѣшеніемъ, и не опредѣлило

способа, какимъ можетъ совершиться этотъ пересмотръ Устава.

Мы, съ своей стороны, смѣемъ думать, что никакіе *общіе* вопросы не могутъ быть предметомъ полезнаго обсужденія въ теченіи двухнедѣльнаго срока, и что, по нашему мнѣнію, было бы необходимо: учредить комитетъ изъ членовъ по выбору дворянства, для составленія проэкта о примѣненіи къ Положенію 19 Февраля Устава о выборахъ и законовъ о дворянскомъ состояніи. Членовъ для комитета было бы довольно двоихъ отъ каждаго уѣзда; срокъ занятіямъ — полугодичный.

Если разрѣшеніе, данное Самарскому дворянству, послѣдуетъ и для дворянства другихъ губерній, то Россія можетъ вновь увидать то величавое зрѣлище, какое представляли сорокъ восемь губернскихъ комитетовъ, обсуждавшихъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ 1858 и 1859 годахъ. Въ этихъ комитетахъ само дворянство, въ виду всей Россіи, собственными руками раздирало свою стародавнюю привилегію, и наконецъ во всеуслышаніе отреклось отъ своего дворянскаго преимущества и произнесло вѣчно-памятныя слова: крѣпостное права отмѣняется на всегда! Теперь дворянству предстоитъ, докончить начатое и спредѣлить свое настоящее мѣсто и значеніе *внѣ* сословныхъ привилегій и преимуществъ. Предрѣшать эту задачу невозможно. Рѣшеніе должно выработаться постепенно, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей и соображеній. Мы полагаемъ, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать дворянству; это будетъ и новымъ нравственнымъ подвигомъ и мудрымъ политическимъ дѣйствіемъ.

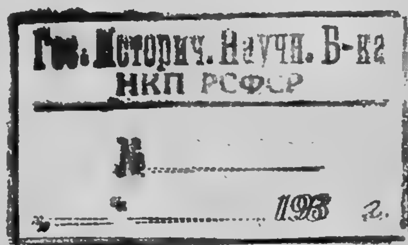
Только по разрѣшеніи этого вопроса, можно будетъ съ достаточнымъ основаніемъ приступить къ разрѣшенію вопроса о земскихъ повинностяхъ, объ областномъ управленіи, о судопроизводствѣ, и о прочихъ преобразова-

ніяхъ необходимость въ которыхъ такъ уже гласно заявлена.

Только тогда станетъ возможнымъ всякое общее дружное дѣйствіе, сближеніе съ народомъ и постепенное возстановленіе цѣльности нашего государственнаго организма....

При настоящемъ разрывѣ образованнаго общества съ народомъ, оно дрябло и лишено всякой общественной силы, потому что нѣтъ силы внѣ народной и исторической почвы. Мы указали на *внѣшніе* пути сближенія, но ихъ, разумѣется, недостаточно: почерпнуть эту силу можетъ общество только окунувшись въ живительныя струи народнаго духа. — Когда мы станемъ строить фундаментъ, то увидимъ, что единственный прочный цементъ для стройки можетъ дать намъ только народность или единство общихъ историческихъ, духовныхъ и нравственныхъ началъ всего Русскаго общества и народа.

9 Декабря 1861.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
193 г.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

Важныя опечатки:

		напечатано:	слѣдуетъ читать:
Стр. 24	строка 20	капиталистовъ на	капиталистовъ рѣшится на
„ 30	„ 6	отъ ибо	ибо отъ
„ 34	„ 10	стоятельность	самостоятельность.

٢

LA RUSSIE,

SON ÉTAT DE CRISE

ET

MOYEN D'EN SORTIR.

PAR

A. Koscheleff.

LEIPZIG.
FRANZ WAGNER.
1862.